

The image shows the interior of a grand theater. The upper part features ornate balconies with gold-colored decorative elements and numerous small lights. The lower part shows the main seating area with dark red seats and a stage with a large, ornate curtain. A few people are visible on the balconies and in the audience.

АЛЬДО НИКОЛАИ

**БАБОЧКА... БАБОЧКА
И ДРУГИЕ ПЬЕСЫ**

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЬЕСА XX-XXI ВЕКА

Альдо Николаи

**Бабочка... Бабочка и другие
пьесы. Итальянская
пьеса XX—XXI века**

«Издательские решения»

Николаи А.

Бабочка... Бабочка и другие пьесы. Итальянская пьеса XX—XXI века / А. Николаи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933901-0

В книге лишь малая доля написанного А. Николаи. Но и этого достаточно, чтобы понять разносторонность таланта драматурга. Его театральные тексты полны сдержанного пессимизма и тонкой иронии, с каким он препарирует исторические и социальные реалии второй половины XX века и бесстрашно высказывает о человеке такую суровую правду, которую многие из нас отказались бы выслушать, не будь она облечена в блистательную форму.

ISBN 978-5-44-933901-0

© Николаи А.
© Издательские решения

Содержание

БАБОЧКА... БАБОЧКА	10
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	11
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	27
ЧИНОВНИК И ЖЕНЩИНА	43
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	44
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Бабочка... Бабочка и другие пьесы Итальянская пьеса XX—XXI века

Альдо Николаи

Переводчик Валерий Николаев

Дизайнер обложки Валерий Николаев

© Альдо Николаи, 2018

© Валерий Николаев, перевод, 2018

© Валерий Николаев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-3901-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЬДО НИКОЛАИ (15.03.1920—5.06.2004)

От переводчика.

Даже поверхностное знакомство с жизнью классика итальянской драматургии Альдо Николаи, позволяет утверждать, что это был счастливый человек. Всю свою долгую жизнь –

а он скончался в 2004 году в возрасте 86 лет – драматург занимался любимым делом, став одним из самых популярных театральных писателей второй половины XX века.

Ещё ребёнком, воспитываясь в атмосфере семейного благоговения перед театром, он дал себе клятву, что посвятит театру всю жизнь. «Мне никогда не было скучно, – признался он однажды, – потому что я всегда знал, чем занять себя. У меня имелась и имеется волшебная игрушка, которая составляет мне компанию – театр».

Николаи написал 75 пьес, 50 монологов для театра, сделал 3 театральные адаптации произведений итальянских классиков, перевёл на итальянскую «Овечий источник» Лопе де Вега и на испанский – «Подумай о нас, Джакомо» Луиджи Пиранделло. К этому надо прибавить многочисленные сценарии для радио- и телепостановок.

Жизнь его была не такой уж безоблачной. На пути к признанию Николаи ждали два года в гитлеровских концлагерях, куда его сослали за отказ вступить в молодёжную организацию итальянских фашистов и откуда его вызволили советские солдаты. Затем последовала учёба на филологическом факультете Туринского университета, защита дипломной работы, посвящённой творчеству Бернарда Шоу, и недолгое учительство в лицее, где он преподавал греческий и латынь.

Дебютировал Николаи в 1947 году пьесой «Щедрый сынок», годом позже она была отмечена престижной Премией Санремо. Однако Альдо, не имевший в ту пору постоянного места жительства, не получил приглашения на церемонию награждения. Радостную весть ему сообщил случайно встреченный приятель, будущий нобелеат, поэт Сальваторе Квазимодо, но ошибся с датой вручения премии. Альдо явился на церемонию через два дня после того, как жюри, воспользовавшись тем, что никто не знал в лицо будущего великого драматурга, чтобы не срывать церемонии, вручило премию одному из своих сотрудников. Позже он передал её законному владельцу.

Все остальные премии в своей жизни Альдо получал сам. А они сыпались, как из рога изобилия. Почти каждая пьеса была отмечена так или иначе. В 1949 году – это Премия Сипарио за пьесу «Душевные высоты». В 1954 году – Премия ИДИ за пьесу «Баба». Перерыв в написании пьес был связан с работой директором Института итальянской культуры в Гватемале. В 1955 году Премия Пескары получает его «Солдат Пиччико». В 1956 году третью премию на конкурсе в Риччоне вручена автору за «Сезон абрикосов». В 1957 году Первая премия Риччоне присуждена «Муравьям». В 1958 году премированы два монолога, написанные Альдо для своей лучшей подруги – актрисы Паолы Борбони: «Эмилия в войне и мире» и «Соль и табак». И так далее.

Разносторонний драматург, Альдо Николаи в своих произведениях с тонкой иронией и сдержанным пессимизмом препарирует исторические и социальные реалии второй половины XX века. В своём творчестве он бесстрашен. Он высказывает о человеке такую суровую правду, которую многие из нас отказались бы выслушать, не будь она облечена в блистательную форму. Сюжеты, характеры, диалоги, юмор – все выдаёт руку мастера. Юмор присущ большинству его пьес. Он чутко уловил изменение отношения человека к трагическому и комическому в результате страшного опыта XX века с его двумя мировыми войнами. Да и сегодня пришибленный безумными темпами и направлениями развития цивилизации современник решительно выбирает комедию, ибо взгляд на мир через призму комического дарит радость и даёт надежду.

Мастерство Николаи не только в виртуозном умении закрутить парадоксальную интригу, не только в точности образов, в максимально насыщенных смыслом выразительных репликах, но и в том, что за откровенной комедийностью скрывается многообразие планов, включая откровенно трагические.

Необузданный, не укладывающийся ни в какие рамки театр Альдо Николаи наполнен живой энергией, богат фантазией и напрочь лишён моралистики. Богатая стилевая палитра

драматурга позволяет ему с лёгкостью переходить от символизма к неореализму, от сюрреализма к театру абсурда, вписываясь в самые современные тенденции мирового театра.

Омрачало счастливую судьбу то обстоятельство, что в родной Италии успех пьес Николаи не шёл ни в какое сравнение с грандиозным успехом за её пределами, где автора давно уже признали великим драматургом и классиком этого жанра литературы.

Причина заключалась в отношении к нему церберов из Института цензуры. Они постоянно придирались к текстам, раздражавшим их кусачей критичностью и откровенным антиконформизмом. В большинстве случаев победа оставалась за цензорами. В результате его комедии выглядели на итальянской сцене беззубыми и благостными, разочаровывая зрителя, ждавшего от писателя совсем другого. Уродуя его пьесы постоянным вмешательством и понуждая его к самоцензуре – из желания увидеть свои вещи на сцене, – цензоры наносили непоправимый ущерб национальной культуре.

Но иногда и Николаи показывал зубы, рискуя судьбой уже готовых спектаклей, как это было с «Солдатом Пиччико», поставленным в Неаполе с Джан Мария Волонте в главной роли. Приехавший на премьеру автор был задержан полицией. В присутствии полицейских цензор обвинил пьесу в «подрыве авторитета армии» и потребовал вырезать отмеченные цензорским карандашом куски. Рассвирепевший Николаи высказал все, что он думает об итальянской цензуре и её представителе, в частности, категорически отказавшись вносить правки. Публика тем временем уже собралась и требовала начинать спектакль. Цензор вынужден был отступить.

Между тем, международный авторитет Альдо Николаи рос. Его творчество стало предметом изучения во многих мировых университетах. Притягательность Николаи для зрителя объясняется ещё и близостью автора к традициям средневропейского театра, с его духовными устремлениями, противостоящими душному провинциализму и примитивной «развлекухе», какими, к сожалению, грешил итальянский театр в те времена.

В 1997 году в нью-йоркском «Линкольн центре» Николаи была вручена премия Итальянского Общества авторов и Издателей (SIAE). Этой премией награждаются самые востребованные за рубежом драматурги Италии. Его пьесы, переведённые более чем на два десятка языков, до сих пор не сходят со сцен всех континентов.

Не осталась в стороне и советская сцена. Дверь пьесам Николаи была открыта в 1957-м году, когда Георгий Товстоногов поставил в ленинградском БДТ «Синьор Марио пишет комедию». После этого к драматургии Николаи обращались в России не раз.

История рассудила по справедливости. Сегодня пьесы Альдо Николаи идут на итальянской сцене в их первозданном виде, без купюр, поражая актуальностью и точностью диагноза, который автор ставит современному обществу.

До самой своей кончины мэтр драматургического цеха занимал посты Председателя Союза драматургов и Председателя Совета авторов ИТИ (Итальянского института театра). Кроме того, он был Президентом Международного сообщества драматургов и комиссаром Международной конфедерации авторских союзов.

Первичной в нем всегда была и оставалась творческая личность.

«Это поразительно, когда мне, – несмотря на то, что этот процесс приносит ещё и огромные мучения, – удаётся всего лишь через человеческую речь рассказать целую историю, передать дух события, нарисовать персонажей, извлечь на свет их проблемы, их радости и горести. Тут есть необычайная магия, не объяснимая словами. Нет большего удовольствия в этой жизни, чем присутствовать при зарождении характеров, чувствовать, как они формируются, и сознавать, что, однажды явившись на свет, они уже существуют на самом деле, со своими именами, со своей индивидуальностью, своей манерой поведения, живя в рамках собственной истории, которую уже не в силах покинуть».

Это признание Альдо Николаи многое объясняет.

Валерий Николаев

БАБОЧКА... БАБОЧКА

Действующие лица:

Эдда

Фока

Элио

Оба действия происходят в одной и той же декорации.

Уютная гостиная в современной городской квартире. Немного экстравагантная, в стиле либерти. Много мебели: кресла, столики, торшеры, настольные лампы, с наброшенными на них шальями. Зеркала, ковры, несколько экзотических предметов и дешёвых безделушек. Под окном широкий диван с кучей подушек. На противоположной стороне тахта, покрытая большой тигровой шкурой, бар, проигрыватель. В глубине комнаты арка, отделяющая её от прихожей. На стене большая картина, на которой изображена полураздетая молодая женщина, лежащая на кушетке среди цветов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Длинная трель дверного звонка.

В арку виден проход ФОКИ. Это темноволосая женщина 27 лет. Она идёт открыть дверь, чтобы впустить ЭДДУ.

Эдда входит в гостиную. Это женщина, лет 50-60-и, одетая с броской элегантностью. Она снимает шубку, перчатки, шляпку и остаётся в ярком платье зелёного цвета. На шее и на запястьях чересчур много украшений.

Эдда (обращаясь к Фоке, которая с привычной ловкостью помогает ей раздеться). Боже мой, я так больше не могу!.. Ездить в центр стало просто рискованно!.. Из-за этой проклятой демонстрации я потеряла минут сорок. Я жутко хотела пить... сижу в такси и прямо умираю от жажды... чуть в обморок не грохнулась... Почему они не проводят свои демонстрации где-нибудь на окраине?.. В полях... в лугах... Какого черта мы все должны страдать из-за этих ненормальных, которые требуют то мира... то работы... то свободы... Накапай мне десять сердечных капель...

Фока берет флакончик с лекарством, стакан, наливает воды, капает лекарство.

Грязные... отвратительные... с жуткими физиономиями... Орут... поют... размахивают транспарантами... флагами... Не больше десяти капель, Фока! Ты что, убить меня хочешь? (Выпивает лекарство, возвращает стакан Фоке). А полицейские стоят и глазеют. И даже не думают пристрелить кого-нибудь из этого сброда... Хорошо, я согласна, у нас демократия, но нельзя же ею злоупотреблять!.. Полицейские... им же платит правительство... а это значит, что платим мы, за то, чтобы они защищали определённые принципы! У них же автоматы! Ну и? Пусть стреляют! Чем больше этих придурков они убьют, тем раньше они перестанут мучиться, и это только к лучшему! (Садится в кресло). И чего они хотят, эти люди? Если у них нет работы, пусть отдыхают, наслаждаются солнечной погодой, занимаются туризмом... туризм сейчас входит в моду... Уж лучше, чем выводить на улицы кучу инвалидов, несчастных стариков и беременных женщин... Там была одна, вот с таким пузом, я не преувеличиваю! И она так буйствовала в этой давке, что у неё, точно, должны были начаться схватки... она, небось, уже и родила... Дай мне ещё таблетку успокоительного... Нет, не это... это в другом флакончике... синем...

Фока протягивает ей флакончик.

(Достаёт одну таблетку, глотает её, возвращает флакончик). Если бы я не добралась до дома, меня хватил бы удар... (Сбрасывает туфли и растягивается на диване). А куда мне было деваться?.. Я должна была сделать все, что у меня было намечено... парикмахер... косметичка... маникюрша... портниха... модистка... Везёт тебе, Фока! Тебе не надо поддерживать твою красоту. Ты некрасивая.

Фока *(не обидевшись)*. Зато молодая.

Эдда (с усмешкой). Ну и какой тебе от этого толк!.. *(Закуривает сигарету, делая глубокие затяжки)*. Новости есть?

Фока. Ни одной.

Эдда. Гости на подходе?

Фока. Нет.

Эдда. Кто-нибудь звонил?

Фока. Ни одна живая душа.

Эдда. Значит, мы опять кукуем в одиночестве?.. Сними трубку, проверь, работает ли телефон.

Фока снимает трубку. Слышится гудок свободной линии.

Разве может так быть, чтобы этот телефон никогда не звонил? Завтра нужно будет позвать мастера проверить. *(Пауза)*. А как коты?

Фока. В порядке.

Эдда. Они все съели?

Фока. До последней крошки.

Эдда. А сейчас что делают?

Фока. Дрыхнут, что.

Эдда. Вместе или по отдельности.

Фока. Сначала спали вместе, потом разошлись по разным углам.

Эдда. Ну и правильно. Нет ничего противнее, проснуться с кем-то рядом, кто храпит тебе в лицо. Что ты приготовила?

Фока. Бульон... жаркое... салат...

Эдда. Если придут гости, на всех хватит?

Фока. Вы кого-то ждёте?

Эдда. На прошлой неделе приходил генерал.

Фока. Это было не на прошлой неделе, а полгода назад. *(Пауза)*. Ваш отец плохо себя чувствует.

Эдда. Хуже, чем обычно?

Фока. Да. Он звал вас...

Эдда. Ему хотелось бы, чтобы я все время сидела рядом с ним, разговаривала и все такое... Но это невозможно. Для него наступило время готовиться к смерти, а в такие минуты лучше, чтобы человека никто не беспокоил, не мешал размышлять в одиночестве. Не говори ему, что я вернулась. Пусть поспит.

Фока. Он не спит.

Эдда. А что он делает?

Фока. Жалуется...

Эдда. Он ещё смеет жаловаться?.. Я обеспечила ему всем... на что ему жаловаться?

Фока. Его мучают боли.

Эдда. А за что я плачу сиделке? Она что, не делает ему уколы, не даёт обезболивающее?

Фока. Врач сказал, что ему это уже не помогает...

Эдда. Врач сегодня приходил?

Фока. Два часа назад. Сказал, что самое худшее может случиться с минуты на минуту.

Эдда. Этот врач вообще ничего не смыслит... Только и повторяет: он в агонии, он в агонии... Кстати, ты показывала врачу котов? Хотя бы Джорджио?

Фока. Он сказал, что достаточно промыть ему глаза борной.

Эдда. Вот мерзавец! Добропорядочным христианам – стрептомицин, биомицин... а бедным тварям – борная. Сегодня у него опять слезились глаза?

Фока. Поменьше.

Эдда. Следи за этим. Что за жизнь... Мало того, что себя плохо чувствует мой отец, так у меня ещё и кот не в порядке. Лишь бы только мне не заболеть... Что-то сильно свистит в ушах... и холодный озноб... у меня наверняка температура!.. Ну-ка, пощупай мне лоб.

Фока *(прикладывает ладонь к её лбу)*. Нет у вас никакой температуры.

Эдда (*неожиданно рассердившись*). Если я тебе говорю, что у меня температура, это значит, что она у меня есть!

Фока. Вы неважно себя чувствуете, потому что устали...

Эдда (*смотрит на неё*). Да, скорее всего. Я на самом деле устала. Столько времени проторчать в такси... потом ещё час под феном... Вот почему у меня в ушах свистит!.. Не хотелось бы свалиться. Потому что, если придут гости...

Фока. К вам никто никогда не приходит.

Эдда. Ты уверена, что телефон не звонил? Или ты его просто не слышала, потому что трахалась на лестнице с посыльным из бакалейной лавки?..

Фока (*фыркнув*). Ну что вы такое говорите? Вы же знаете, что мне не нравятся здешние мужчины. Мне нравятся только мои земляки.

Эдда (*морщась*). Твои земляки... горцы... пастухи... мужики, от которых за версту козлом несёт... Неужели тебе не противен этот запах?

Фока. Лучше козлинный, чем кошачий.

Эдда (*вскидывается*). Ну и нахалка!.. Бегом в кухню, дура! Дурища! Конечно, ты бы предпочла, чтобы я вместо котов держала в доме коз!.. Иди, займись делом. Скоро придут гости... а то скажешь потом: я ничего не успела... Который час?

Фока. Уже поздно. Только что пробило шесть.

Эдда. Всего-то? А так темно. (*Вздыхает*). Что-то весна в этом году подзадержалась... Тучи... ветер... дождь... Вместо того, чтобы бесполезно тратить миллиарды, запуская в космос всякую ерунду, лучше бы сделали что-нибудь, чтобы наладить нормальную смену сезонов... На календаре апрель, а на улице все ещё зима в разгаре. (*Сердито*). Если на часах только шесть, почему ты мне говоришь, что поздно?.. Ничего не поздно, абсолютно не поздно!

Фока направляется к выходу.

Можно узнать, куда ты собралась?

Фока. На кухню. Готовить.

Эдда. Остайся здесь и перестань суетиться. (*После паузы*). Если никто не придёт, чем мне заняться?.. Ночью я глаз не сомкнула... Не желаешь составить мне компанию?.. Ненадолго... всего на несколько часов... скажем, до двух... (*Видит реакцию Фоки*) ... до часу... хорошо, только до полуночи...

Фока. Нет. В это время я умираю, спать хочу.

Эдда. Я сделаю тебе подарок... Вечернее платье вишневого цвета...

Фока. На что оно мне? По вечерам я ложусь в постель.

Эдда (*с раздражением*). Ну и проваливай! Больно ты мне нужна! Есть сиделка моего отца, я специально ей плачу, чтобы она проводила здесь ночи... Вот и буду говорить с ней, хоть до семи утра... И ей будет приятно посидеть со мной... (*Кротко*). Я делаю это не из каприза, Фока... просто я никак не могу заснуть...

Фока. Если бы вы проводили больше времени с вашим отцом...

Эдда. Чтобы наблюдать, как он умирает?.. Это же не чужой человек. Это мой отец!

Фока вновь порывается уйти.

Я сказала тебе, не суетись... Интересно знать, почему мне никто не звонит. Люди такие жестокие... такие неблагодарные... Все говорят: о, я зайду проведать тебя... я приду к тебе на ужин... Поэтому я всегда держу наготове бульон, жаркое, салат, вино, виски... но никто и носа не кажет... Когда-то я была самой любимой женщиной на свете... а сейчас меня все забросили. Все. У меня никого не осталось... одна ты... Ты-то хоть меня любишь?

Фока. Мне нравится у вас. Но это сверх моих сил оставаться здесь ещё и по ночам, чтобы разговаривать с вами...

Эдда. Ты многому могла бы научиться у меня. Ты молодая, жизни не знаешь, как я её знаю... Ты даже представить себе не можешь, сколько мужчин у меня было!.. И не просто какие-то... Выдающиеся!.. И по положению в обществе, и по уму, по культуре, по внешности...

Фока. А я, если кого и полюблю опять, это будет парень из моих краёв...

Эдда (*снова раздражаясь*). Я не исключаю, может быть, это даже прекрасно быть с мужчиной в горах, обниматься с ним в темной пещере, вдыхая запах трав, под блеянье овец вокруг... Но это не единственный опыт, который должна пережить женщина. Уверяю тебя, что у меня были самые фантастические приключения... Мне поклонялись как богине! Я была очень хороша собой... очень... (*Указывает на картину с полуобнажённой женщиной*). Намного лучше, чем я на этой картине... Хочешь, покажу тебе альбом с моими фотографиями?..

Фока. Лучше бы вы съели чего-нибудь.

Эдда. Позже. Когда придут гости. (*Продолжает*). А какие украшения я носила!.. Неопи-сваемой красоты... безумно дорогие... и все сплошь уникальные... Жемчуг... розовый... чёр-ный... и такой крупный... Магараджа присылал их мне целыми ларцами!..

Фока. Бросьте себе что-нибудь в желудок...

Эдда. Я сказала, позже... вместе с гостями...

Фока. Да не будет у вас никаких гостей!.. И переоденьтесь... снимите это платье, наденьте тёплый халат... тот, шерстяной...

Эдда. Ты что, отправляешь меня спать?.. Я все равно не усну... я с ума схожу от этой бессонницы... Нынче ночью я заглядывала к отцу... он стонал... его всего трясло... но он спал, понимаешь? Он в агонии и спит... а я нет... никак не получается...

Фока. Когда утром я принесла вам кофе, вы спали.

Эдда. Нет, я не спала. Я тебя слышала. Я лежала с закрытыми глазами...

Фока. Неправда, вы спали.

Эдда. Я дремала. Иногда мне удаётся задремать... как правило, на рассвете... А ночи такие длинные... тянутся, как... (*Опять раздражённо*). Ты, конечно, ночами спишь как уби-тая.

Фока. Потому, что я целыми днями работаю и смертельно устаю.

Эдда. А мне, если даже удаётся заснуть, снятся кошмары... Мне вообще не нравится спать. Спящий человек похож на мертвеца. (*Пауза*). Да. Фока, ты права, мне надо поесть. Сосёт в желудке... и кости стынут... Ты куда?..

Фока. Приготовлю вам поесть...

Эдда. Не трать зря время. Достаточно чашки бульона. Только погорячее... А если позво-нят в дверь, сразу беги открывать... Люди странно себя ведут. Если им не откроешь немед-ленно, поворачиваются и уходят. Как позавчера.

Фока. Позавчера мужчина просто ошибся дверью.

Эдда. Подожди. Подожди с бульоном. Налей мне немного виски, я хочу согреться... Не больше, чем на два пальца. (*Даёт Фоке ключи от бара*). Почему ты никогда не купишь цветов в дом?

Фока открывает бар, наливает виски в стакан, приносит. Возвращает ключи.

Это так грустно – дом без цветов.

Фока. Вы же сами не хотели, чтобы я их покупала.

Эдда. Потому что мне не нравится видеть, как они увядают. Но ты все равно купи. Как только они начнут увядать, мы отошлём их в церковь. (*Пьёт*). Моя мать всегда посылала цветы в церковь. Целыми букетами. Она была очень религиозна. Все время молилась. Может, просила прощения за жизнь, которой жила. Она была очень скрытная. Настоящая аристократка. Может быть, она сожалела, что слишком долго прожила. Или слишком коротко. И во всем ошибалась. Конечно, выйти замуж за старика, да к тому же такого больного, как мой отец...

Фока. Но когда ваша мать была молодой, отец ваш тоже был молод и здоров.

Эдда. Это верно. Значит, она сожалела о чем-то другом. А у меня, наоборот, у меня была чудесная жизнь. Ни одну женщину не обожали так, как меня!.. А почему ты все время стоишь? Сядь, а то устанешь, бедная девочка...

Фока. У меня куча дел на кухне.

Эдда (*сердясь*). У тебя рабская душа. Тебе бы только работать и работать... мыть посуду, гладить, натирать воском мебель, задрав задницу вверх, мыть пол...

Фока. То, что я не сделаю сейчас, я должна буду сделать потом. А потом мне не захочется, потому что я буду уже усталая и хотеть спать.

Эдда (*с досадой*). Ну и спи. Спи, спи. Увидишь, как однажды больше не проснёшься.

Фока. Рано или поздно это должно случиться.

Эдда. И ты не боишься умереть?

Фока. А чего бояться... Никто не будет сожалеть по этому поводу.

Эдда (*подумав*). А когда я умру, кто будет оплакивать меня? Ты будешь сожалеть о моей смерти?

Фока. Вы напишите свои пожелания. Я сделаю все, что будет написано. Обещаю вам.

Эдда (*сжав зубы*). Спасибо. Спасибо, Фока. (*Пауза*). Ты хорошая девочка. (*Пауза*). Почему мне так холодно? Поддай мне плед... Да побыстрее, черепаха! Как можно жить такой заторможенной! Давай укутай меня. И положи под голову подушку.

Фока накрывает её пледом и подкладывает подушку под голову.

Меня всю трясёт. Не помешала бы большая грелка с горячей водой.

Фока. Пойду сделаю.

Эдда. Потом... потом... (*Пауза*). Если бы у меня не было тебя... Все мужчины, которые были в моей жизни, сгнули... все... кто умер... кто уехал, Бог знает, куда... В конце концов, мне это даже нравится... Противные существа – эти мужчины. Я их всех ненавижу. Ты ненавидишь своего пастуха?

Фока. Уже нет. Он умер.

Эдда. Умер? Ох, бедняжка!

Фока. Я же вам это рассказывала. Его убили в трагтории, во время ссоры.

Эдда (*не слушая её*). Этот дом слишком большой. И сырой. Стены старые. Все сгнило. Из-за этих высоченных потолков комнаты никогда не нагреваются. Как только мой отец умрёт, я поменяю эту квартиру на меньшую. И у тебя будет поменьше работы, а то ты сильно устаёшь. Сядь же, наконец, и расскажи мне что-нибудь...

Фока. Что мне вам рассказать? Мне нечего рассказывать...

Эдда. Расскажи о себе. О своём отце. О матери. О твоих братьях. О твоём погибшем пастухе. Рассказывай, о чем хочешь. Я тебя все равно не слушаю. Поэтому говори. Говори...

Фока. Может, вам лучше телевизор посмотреть?

Эдда. Мне не нравятся люди в ящике, которые говорят, говорят и никогда не отвечают на твои вопросы... Который час?

Фока (*смотрит на настенные часы*). Полседьмого.

Эдда. Дождь идёт?

Фока. Не то слово. Льёт как из ведра.

Эдда (*после паузы*). Как-то в этот час я собиралась выйти из дома... Приняла тёплую ванну... надушилась... сделала макияж... и несколько часов выбирала, что надеть... какие украшения... какую шубу. Знаешь, сколько шуб у меня было?.. Пятнадцать.

Фока. Вчера вечером вы сказали – одиннадцать.

Эдда. Все верно. Одиннадцать коротких и три длинных. Одна из соболя, одна из горно-стая и одна из шиншиллы. Из шиншиллы я носила с моим изумрудным гарнитуром... Налей мне ещё немного виски. (*Передаёт ей ключи от бара*).

Фока приносит виски, после чего опять возвращает ключи.

Горло горит. Видимо от этих таблеток. От них хорошо желудку, но обжигает горло. Выпью, пожалуй, таблетку от горла. Надеюсь, она не воспламенит мне желудок. (*Берет таблетки со столика, стоящего за диваном, запивает глотком виски*). Какое удовольствие доставляет это питье!.. А ты, Фока, никогда не пей, это жутко невкусно!.. И перестань стоять столбом, как дура! (*Поправляясь*). Как дурочка... Не терпится поскорее смыться и приняться за какую-нибудь работу? Да кто тебя гонит! Отдыхай. Ты молодая, тебе всего двадцать семь. Если будешь все время работать, кончится тем, что быстро состаришься...

Фока (*пожимая плечами*). Ничего страшного... Кому я нужна?

Эдда. Ну уж... Ты, конечно, не красавица, но мужчины – такие идиоты... Всегда может найтись тот, кому ты понравишься... Понравилась же ты своему пастуху... Конечно, заниматься любовью с пастухом, может быть, и заманчиво... Я... дай мне подумать... нет, я никогда не была в постели с пастухом... только с принцами... с миллиардерами... министрами... дипломатами... тореадорами... ну и парочкой фигуристых рассыльных... Ах, сколько мужчин прошло через мои объятия!.. Я всем им изменяла. Как только мне казалось, что я испытываю что-то к другому мужчине... я тут же наставляла рога предыдущему. И никаких угрызений совести... как сейчас, никакой ностальгии... Вот так-то, Фока. Здесь (*показывает на сердце*) ничего ни о ком... Хотя нет! Единственный, о ком я иногда вспоминаю с нежностью, это Рамон. Красивый, как бог... высокий... стройный... Он умер у меня на глазах... Его растерзал тигр. Боже, какой чудесный зверь тигр! Стремительный... элегантный... Он прыгнул на Рамона, и тот умер с моим именем на устах. Мне кажется, я до сих пор слышу его голос... Эдда, Эдда, Эдда!.. Нет. В третий раз у него уже не было ни сил, ни времени произнести моё имя... Негр, которому принадлежал тигр, сразу же застрелил его... (*Показывает на тигровую шкуру, которой покрыта тахта*). ... Вот он! (*Шкуре*). У-у, ненасытный! Что заслужил, то и получил... А я из-за тебя погрузилась в море несчастий... Дело в том, что Рамон был женат. Его вдова примчалась первым же самолётом и присвоила все, даже его останки. Чтобы вернуться из Африки, я была вынуждена вступить в связь с нефтепромышленником. А с его женой тоже только что случилась беда... Нет-нет, никаких тигров, это были крокодилы. Она соскользнула с мостика прямо в реку, а река кишела этими жуткими рептилиями... В общем, мне повезло. Не случись этого, как бы я вернулась из Африки?.. Ты слушай, слушай, Фока! Где ты ещё услышишь такие истории? Я ещё никогда никому их не рассказывала. Только моему отцу. Я сидела возле него, и он слушал меня с раскрытым ртом... Сколько же в нем живучести, а! Уже десять дней, как в агонии, и никак не умрёт... Да прекрати ты стоять! Садись вон в то кресло... только осторожнее, оно поломанное.

Фока подвигает кресло к дивану, осмотрев его, садится на краешек.

Да не так!.. У тебя что, под задницей бомба, которая вот-вот взорвётся? Сядь поудобнее... откинись на спинку... Вот так, молодец, теперь, как цивилизованная женщина... Так вот, Фока... Слушай, какое у тебя странное имя!

Фока. Это имя одного святого.

Эдда. И одного животного. Тюлень называется... Так о чем я тебе рассказывала? Ах, да, о том, что я вернулась из Африки с одним нефтепромышленником. Ужасный тип, но такой обаятельный и мужественный, прямо как...

Звонок в дверь.

Не веря своим ушам, возбуждённая Эдда почти выталкивает Фоку из кресла.

Звонят!! Фока, ты что оглохла?! Звонят в дверь, а ты сидишь, как ни в чем не бывало! Бегом, открывай!

Фока встает и идет открывать.

Да побыстрее ты, дура! И сразу скажи мне, кто пришёл! (*Сбрасывает плед на диван, садится, всовывает ноги в тапки, взволнованная, поправлять причёску.*)

Фока разговаривает с кем-то у двери.

Фока, кто там?

Фока (*выглядывая из-за арки*). Какой-то молодой человек... спрашивает вас...

Эдда. Молодой человек?! Впусти его! Только пусть сначала вытрет ноги! (*Кричит*). Юноша, входите! Только вытрите ноги!

Гость все ещё не показывается.

Где вы? Почему вы не входите?

Элио (*от двери*). Вытираю ноги.

Эдда. Хватит уже, сколько можно!

В гостиную в сопровождении Фоки входит ЭЛИО. Высокий красивый молодой человек лет 23—24. На нем плащ с поднятым воротником, вокруг шеи шарф. Все мокрое от дождя: одежда, обувь, волосы, лицо. В руке сумка из искусственной кожи.

Эдда. Мамма миа, какой вы мокрый! Сейчас же снимайте свой плащ! Фока, отнеси плащ в прихожую.

Элио снимает плащ и отдаёт Фоке, которая уносит его.

Эдда изучающе оглядывает Элио.

Какой красивый молодой человек! Нет, правда, красавец!.. Снимайте башмаки, а то испачкаете мне все ковры. У вас, наверное, ноги промокли. Долой башмаки и носки и садитесь, где понравится. (*Фоке*). Фока, таз с горячей водой, и побыстрее! А также мыло, полотенца и тальк... И ещё тапки и носки моего отца. Только мигом!

Фока уносится за арку.

Элио (*стоит столбом посреди гостиной*). Но я... наверное...

Эдда (*перебивая его*). Никаких извинений! Не тот случай. Хотите остаться молодым и здоровым, надо вытереться, иначе воспаление лёгких вам гарантировано... Садитесь в кресло... Нет, не в это... это сломано... вон в то...

Элио садится в кресло, указанное Эддой.

Я же вам сказала, снимайте башмаки и носки. А пока выпейте аспирин и витамин С. (*Протягивает ему стакан воды и таблетки*). А потом я напою вас вкусным бульоном, он вас согреет и приведёт в порядок желудок.

Элио (*проглотив таблетки*). Вы очень любезны, но я...

Эдда. А может, яичный желток? И много сыра? И я за компанию съем то же самое... Почему вы не снимете башмаки?

Элио, поколебавшись, сбрасывает ботинки.

(*Кричит*). Фока, ты скоро? Хочешь, чтобы бедный мальчик умер? (*Элио*). А носки? Не стесняйтесь, что они рваные.

Фока вносит таз с горячей водой, полотенца, мыло и тальк.

Умница, Фока. Отверни ковёр и поставь таз вот сюда. (*Элио*). Ну-ка, закатайте брюки, а то ещё больше намочите их... (*Фоке*). Разогрей бульон и принеси две больших чашки. И чтобы горячий! В одну чашку разбей яичный желток и хорошо размешай. (*Элио*). А хотите сухих хлебцев? (*Не дожидаясь ответа*). И захвати сухих хлебцев... И не забудь про носки и тапки. Давай-давай, шевелись, тюлень!

Фока выходит.

(*Элио*). А теперь ставьте ноги в воду, юноша... (*Видит реакцию Элио*). Что? Горячо?

Элио. Нет... терпимо...

Эдда. Тогда примемся за работу. (*Берет с дивана подушку, кладёт на пол рядом с тазом, садится на неё и начинает мыть ноги Элио*). Я у ваших ног, юноша... Понимаю, вам от этого ни тепло, ни холодно. Пожилая женщина... Бог знает, сколько очаровательных девчушек вы привыкли видеть у ваших ног... Сидите спокойно, а то всю меня забрызгаете... Какие прекрасные ступни! Прямо-таки греческие! Большой палец короче остальных... Вы когда-нибудь обращали внимание на ступни греческих статуй? У всех они такие, как у вас. (*Кричит*). Фока, тряпку! (*Элио*). Бесценная девушка. Она обещала отвезти меня половить рыбу в горном озере, возле одной дикой дереvушки, где нет даже электричества... только камни и... козы... Со мной ей хорошо... Вынимайте ноги... осторожно, не капайте повсюду... ставьте на полотенце, сейчас мы их вытрем...

Элио. Синьора, я даже не знаю, как...

Эдда. Аккуратней... так, с одной покончено... с другой тоже...

Поднимается.

Входит Фока с тряпкой в руке.

Брось тряпку. И унеси таз и мыло.

Фока берет таз и мыло и выходит.

(*Элио*). Теперь встаньте на сухое полотенце, и мы посыпем ноги тальком... (*Делает то, что говорит, после чего берет со столика одеколон и растирает им ноги Элио*). Ну вот, напудрены и надушены...

Возвращается Фока с носками и тапками, кладёт у ног Элио. Убирает тряпкой воду с пола.

Эдда протирает одеколоном свои руки.

(*Фоке*). Мы закончили, можешь все уносить. (*Элио*). Надевайте носки и тапки... Так лучше?

Фока поднимает с пола полотенца, банку с тальком и уносит.

Действительно, красивый молодой человек. Мои поздравления! (*Протягивает ему флакон одеколona*). Полейте голову и помассируйте её. С руками, ногами и особенно с головой нужно быть внимательнее.

Элио массирует себе голову.

Посильнее... так, чтобы одеколон проник в кожу... У вас красивые волосы... густые, крепкие... Советую вам массировать вот так голову каждое утро минут десять... гарантирую, к тридцати годам вы не облысеете.

Элио опускает руки.

Вы курите? В этой коробке сигареты. Не стесняйтесь, если вам хочется курить, курите.

Элио. Спасибо. (*Закуривает сигарету и, улыбаясь, с благодарностью смотрит на Эдду*).

Эдда. А теперь скажите, зачем вы пришли сюда.

Элио (смущённо). Я... я хотел предложить вам электрическую щётку по очень выгодной цене...

Эдда. Вы знаете, что у вас красивая улыбка? С такой улыбкой вы завоюете всех клиентов... Не говоря уже о клиентках. (*Зажигает кадилльницу*). Восточные благовония, они ароматизируют воздух. Не могу обойтись без них... Ах, Восток! Он столькому учит!.. Вы были на Востоке? (*Не давая ему ответить*). Значит, вы хотели продать мне щётку...

Элио. Да... электрическую... последней модели...

Эдда. И консьерж позволил вам подняться, не задав вам ни одного вопроса?

Элио. Не уверен, что он меня видел.

Эдда. Ну да, в противном случае он бы вас, конечно, не пропустил. Не консьерж, а самый настоящий цербер. Вчера ко мне пришёл мой старинный друг, генерал... который в своё время ставил по стойке смирно даже министров... так он его остановил на лестнице и чуть ли не час допрашивал, к кому он идёт, с какой целью, надолго ли и так далее... Просто из любопытства.

Элио встаёт и идёт за сумкой.

Вы куда?

Элио. Хочу показать вам щётку.

Эдда. Вы куда-то торопитесь?

Элио. Нет, но я подумал...

Эдда. А вы не думайте. Возвращайтесь в кресло и устраиваетесь поудобнее.

Элио с улыбкой подчиняется.

(*Кричит*). Фока, бульон! Ты когда-нибудь принесёшь бульон? (*Элио*). Вы правильно поступили, что пришли ко мне. Мне давно хотелось что-нибудь съесть, но есть в одиночестве... С кем-нибудь за компанию – совсем другое дело... Итак, вы представитель фирмы электрических щёток. Очень интересно.

Элио. Не совсем так. Я просто знаком с...

Эдда (*перебивает его*). В нынешнее время знакомства просто необходимы. Худо, если их не имеешь. Только я была настолько глупой, что никогда ими не пользовалась. А у меня были очень важные знакомые. Например, один миллиардер, самый крупный из всех американских миллиардеров. Он был так влюблён в меня!.. Проходу не давал. Каждый день присылал корзину роз. Ровно тысячу. Тысячу роз Баккара... розовые, на очень длинных стеблях... роскошные... А потом заявлялся сам и, можете себе вообразить, начинал их пересчитывать. И если, не дай Бог, недоставало хотя бы одной, бросался к телефону и устраивал скандал цветочнику. Сцена безобразная для моей впечатлительной натуры. В конце концов, он меня так достал, что я его послала куда подальше. Боже, какие они вульгарные, эти американские миллиардеры... Я питаю слабость к восточным мужчинам. Они более деликатны... чувственны... у них нежная кожа... и они истинные синьоры... А что вы хотите? Для меня, женщины из другого времени, класс – это главное в мужчине... Что вы на меня так смотрите? Вас удивляет то, что в меня был влюблён миллиардер? Но это было много лет назад... Вот какой я была. (*Указывает на картину с полуобнажённой женщиной*). А на самом деле -намного лучше. Все считали, что у меня редкая красота... Но... время берет своё... Вянут цветы, почему не увядать и нам тоже? Красивые женщины подчиняются законам природы. Как, впрочем, и некрасивые. (*Кричит Фоке*). Ну так что, будет нам бульон или нет?! (*Элио*). Я вас, наверное, задерживаю, вы спешите? Я убеждена, вас кто-то ждёт. Не может быть, чтобы такого красивого юношу не ждала девушка.

Элио. Но меня, правда, никто не ждёт...

Эдда. Отчего же?

Элио. Я никого не знаю в этом городе. Я только сегодня приехал.

Эдда. И первое, что вы сделали, заявили ко мне? Bravo! Я обожаю сюрпризы. Хотя бы уже потому, что живу одна. Это не значит, что у меня нет друзей. Но в определённом возрасте некоторые предпочитают жить одни. Даже женщины, прожившие такую бурную, сверкающую жизнь, как моя... Аперитив перед бульоном? (*Не давая ему ответить, кричит*.) Фока, не спеши с бульоном!.. (*Элио*). Ей надо посочувствовать... она так проста... Представьте себе, её зовут Фока! Если бы вы знали, скольких сил мне стоило привыкнуть к этому имени!.. А уж видеть каждый день эти её волосатые ноги... есть же депиляторы... бритвы... масса способов, чтобы избавиться от волос на ногах, но нет, она, видите ли, не желает... ей на это наплевать... Но в целом, она хорошая девочка. Она столько перестрадала! Трагическая любовь. Она была влюблена в одного пастуха... прекрасный парень... настоящий дикарь... в шкурах... высокий... высоченный... гигант... Погиб в драке. Кто-то бросил камень из пращи и попал ему точно в лоб... прямо вот сюда. (*Показывает на себе*). И вся. Погиб, как Голиаф. Видимо, такова участь всех гигантов....

Входит Фока, толкая перед собой столик на колёсиках: на нем две чашки с бульоном, сухие хлебцы, сырница, бутылка вина, стаканы, и пр.

Наконец-то! Bravo, Фока!.. Налегайте, юноша. И побыстрее, пока бульон не остыл... Возьмите ложку. Если хотите, можете распустить в бульоне яйцо... или вы предпочитаете выпить его отдельно?.. Ваше право. (*Проглатывает ложку бульона*). Замечательный бульон!.. Это потому, что мы варим его из свежего мяса... Ты видела, Фока, сколько воды принёс на себе этот юноша? Он прошагал несколько километров под ливнем, специально, чтобы прийти ко мне и предложить щётку...

Элио. Электрическую щётку.

Фока. У есть уже есть такая.

Эдда. И ты часто ею пользуешься?

Фока. Часто.

Эдда. Вот и отлично. Когда она сломается, у нас уже будет другая на замену... Неси все остальное, как только будет готово.

Бросив исподтишка на Элио любопытный взгляд, Фока выходит.

Эти бытовые электроприборы превратились в манию. Я не хочу сказать, что они бесполезны, но очень быстро заполняют весь дом. Если все будет продолжаться с такой скоростью, скоро можно будет обходиться без служанок. Правда, каждой семье придётся нанимать электротехника. Что касается меня, я к ним даже не притрагиваюсь. Я их страшно боюсь... Скажите, у вас есть расчёска?.. Причешитесь немного. У вас волосы стоят дыбом, словно вы увидели привидение.

Элио сконфуженно смотрит на неё, потом достаёт из кармана расчёску и причёсывается.

Как вам пришло в голову заняться электрическими щётками?

Элио. Я вовсе не занимаюсь электрическими щётками. Я хотел только продать эту. Мне её подарил друг, он привёз её из Америки.

Эдда (*нару секунд молча смотрит на него*). И почему вы её продаёте?

Элио. Она мне не нужна.

Эдда. А убираться дома?

Элио. Здесь у меня нет дома. Когда я приехал, я снял комнату в маленьком отельчике, рядом с вокзалом...

Эдда. Бедный мальчик!.. Жить в гостинице – это ужасно. Казённая обстановка... казённая атмосфера... А уж я-то жила в самых дорогих и самых роскошных отелях мира: «Уолдорф-Астория»... «Карлтон»... «Ритц»... «Хилтон»... Представляю, что творится в этих привокзальных клоповниках, где живут одни шлюхи и воры... (*После паузы, пристально глядя на него*). А ты часом сам не вор, а?

Элио (*ошарашено*). Нет, синьора... я...

Эдда. А то сегодня развелось полно типов, которые сначала крадут электрические щётки, а потом ходят по домам и пытаются сбыть их с рук...

Элио. Послушайте... её мне...

Эдда (*сухо*). ... подарил твой друг... Да даже если ты её украл, мне на это наплевать. Если ты её стащил, значит её владелец – растяпа, не уберёг её. А если он её не уберёг, ты правильно сделал, что её спёр...

Элио. Если вы думаете, что я вор...

Эдда. Ничего я не думаю. Просто в наши дни много вас таких... готовых под любым предлогом вторгнуться в дом бедной одинокой женщины... нападают... грабят... А поскольку

я и есть одинокая женщина... ты ведь можешь напасть на меня!.. Давай, нападай, я абсолютно беззащитна!..

Элио (*обескуражен*). Но, синьора...

Эдда (*поджав губы*). Синьорина. Я никогда не была замужем. Не желала связывать себя семейными узами ни с кем. В любом случае здесь, в этом доме, нет ничего, на что можно было бы позариться... Драгоценности я держу в банковском в сейфе, а ключи от него у моего адвоката. Наличных денег чуть-чуть, а вернее, их просто нет, потому что я снимаю нужную сумму со счета раз в неделю, ровно столько, сколько нужно на неделю... Что из ценного тут есть? (*Оглядывает гостиную*). Несколько безделушек. Но мало того, что они такие хрупкие, их ещё очень тяжело продать... Что ещё ты мог бы прихватить отсюда?.. Лекарства. Только лекарства.

Элио. Но, видите ли, синьора...

Эдда. Синьорина. Синьора я только для Фоки. Потому что для неё синьора означает хозяйка, а синьорина – не означает... Итак, ты можешь украсть у меня только лекарства, и все. У меня их целая гора. В основном, для моего отца, он у меня болен. Очень серьёзно болен. Он в агонии. И ты, мерзавец, хочешь ограбить несчастную женщину, у которой умирает отец? Что ты так на меня смотришь? Думаешь, я тебя обманываю?

Элио. Нет, я верю вам... верю...

Эдда (*зовёт*). Фока!.. Фока!.. Фока!.. (*Элио*). Сейчас она проводит тебя к моему отцу, чтобы ты лично убедился.

Элио. Не надо, синьорина... Лучше, я пойду... я вспомнил, что у меня есть одно срочное дело...

Эдда. Не ври. Сначала ты мне рассказываешь, что только что приехал и никого здесь не знаешь, а сейчас хочешь смыться, придумав себе срочное дело. Тебя в детстве не учили тому, что врать некрасиво? И невежливо. Что я тебе плохого сделала? Я тебя приняла как... как сына... Откуда такая неожиданная враждебность?

Элио (*серьёзно смотрит на неё*). С чего вы взяли? Нет во мне никакой враждебности.

Фока вносит тарелки с жарким и с сыром.

Эдда (*Фоке*). Поставь все на коляску и проводи этого молодого человека в комнату отца. Покажи ему, в каком он состоянии.

Элио. Но я же сказал, что верю вам!..

Эдда (*Фоке*). Проводи его, я тебе говорю. (*Элио*). Иди с Фокой... Заодно посмотришь остальные помещения квартиры и убедишься, что здесь нечего красть.

Элио разводит руками и послушно идёт к арке.

Фока (*подойдя к Эдде, тихо*). Вы его знаете?

Эдда. А тебе какое дело?

Фока догоняет Элио, и оба исчезают за аркой.

Едва они скрываются из виду, Эдда вскакивает, берет со стола сумку Элио, роется в ней, достаёт оттуда электрическую щётку и толстую пачку банкнот. Пересчитывает деньги – их немного, но больше, чем она предполагала. Сует деньги за резинку чулка, закрывает сумку и ставит на место.

Спустя мгновение появляется Элио.

Убедился?

Элио. Я вас уверяю, что ещё до того...

Эдда. Все. Хватит. Закрыли тему. Садись и ешь!.. Сколько тебе лет?

Элио (*с полным ртом*). Двадцать три.

Эдда. Глупый возраст для мужчины. Ничего, кроме физической силы... Накладывай ещё. (*Наблюдает, как он ест*). Если бы мой ребёнок не умер через несколько дней после рождения, у меня сейчас тоже был бы сын.

Элио (*отрываясь от еды*). Моего возраста?

Эдда. Нет, ему было бы больше сорока. Я родила его совсем девчонкой. Забеременела от камердинера нашего дома. Скандал был! Что моя мать-графиня, что мой отец-посол, оба придерживались строгих правил. Они были в ярости! Хотя наш камердинер был не простой камердинер, а русский великий князь, который сбежал из своей страны, спасался от революции. Он любил меня с полным исступлением своей славянской души. Но я не хотела связываться с ним. Великий он князь или нет, но он служил камердинером. Я предпочла уйти из дома и жить за свой счёт... Почему ты не ешь?

Элио. И... больше у вас не было детей?

Эдда. Нет.

Элио возвращается к еде.

Как тебе мой отец?

Элио (*опять прекращает есть*). Он очень плох.

Эдда. Он в агонии, разве я тебе не говорила?

Элио. Мне очень жаль.

Эдда (*с живостью*). Не порть себе аппетит, ешь. Речь ведь не о твоём отце, а о моем... А твой отец... он ещё жив?

Элио. Нет.

Эдда. Ничего не поделаешь, все мы когда-то умрём. Не расстраивайся. Ешь. Налей себе вина. Бутылка на нижней полке коляски. Это хорошее красное сухое, я подаю его исключительно уважаемым гостям. Когда магараджа навещал меня, я поила его именно этим вином. Он, правда, предпочитал шампанское, потому что оно его возбуждало... Ах, какой это был мужчина, магараджа! Он хотел, чтобы я вышла за него замуж и уехала с ним в Индию... В Индию я поехала, но замуж выйти отказалась... У него был дворец, который и в снах не приснится... всюду серебро и золото. Чересчур много серебра и золота. И сад, похожий на ноев ковчег. Там было даже стойло для слонов. Если выбирать место для туризма, лучше Индии не найти. Восхитительная страна!.. Но что бы остаться там... нет! Индия создана не для меня... Налей мне тоже вина. Обычно я не пью, но сегодня вечером хочу сделать исключение.

Элио наливает бокал и подаёт ей.

(*Делает глоток*). Предложений выйти замуж у меня было столько, что я со счета сбилась. Но я не хотела терять свою свободу. Я родилась синьориной и хочу умереть синьориной... Итак, юноша, не хотел бы ты показать мне эту знаменитую электрическую щётку?

Элио (*вскакивая*). Конечно, синьорина, сию минуту...

Эдда. Нет, сначала покончи с ужином. А чтобы я лучше узнала тебя, расскажи мне немного о себе.

Элио. Что вы хотите, чтобы я вам рассказал?.. У меня была нелёгкая жизнь. Когда не имеешь профессии и нет желания научиться ей, то...

Эдда (*смеётся*). Bravo! Да здравствует откровенность!

Элио. Может быть, мне понравилось бы учиться... но я в этом не уверен. Я люблю читать. Я читаю все, что попадётся под руку. Если не понимаю, что написано, перечитываю несколько раз.

Эдда (*с иронией*). Да ты у нас интеллектуал... Интеллектуальный вор.

Элио (*поражённый*). Что вы сказали?

Эдда. Вор. Я сказала, интеллектуальный вор.

Элио. Почему вы называете меня вором?

Эдда. Потому что ты и есть вор. (*Достаёт из чулка пачку денег и бросает ему в лицо*). Эти деньги... только не говори, что ты нашёл их на дороге...

Элио. Вы рылись в моей сумке?!

Эдда. Ты ведь их украл, не так ли?

Элио. Честное слово, я...

Эдда (*взрывается смехом*). Слово вора!.. Я звоню в полицию?

Элио. У вас нет никаких доказательств, что я...

Эдда. Попробуй объясни мне, откуда у такой шушеры, как ты, в кармане столько денег.

Элио. Это все, что я скопил!

Эдда. Воруешь, а потом копишь? (*Смеётся. Затем серьёзно*). Где ты спёр эту электрическую щётку? В каком-то доме, куда заявился под предлогом продать переносной радиоприёмник? Который украл в доме, куда пришёл под предлогом продать проигрыватель?.. Целая цепочка краж... мелких... жалких... постыдных... Понимаю, жизнь сурова, и ты в ней устраиваешься, как можешь. Ничего не умеешь делать, работать не желаешь... Но рано или поздно тебя поймут и отправят в тюрьму!.. А ты ещё показался мне интеллигентным юношей... С такой внешностью, как у тебя, ты мог бы неплохо зарабатывать в качестве жиголо. Это занятие не требует большого ума, но зато оно намного комфортнее и безопаснее.

Элио (*с наглой ухмылкой*). Это что, предложение?

Эдда. Нет. С мужчинами я завязала. Раз и навсегда. Меня от них тошнит. Ты, конечно, красивый мальчик... но после того, как переешь шоколаду, с отвращением смотришь даже на шоколадное мороженое... Зачем ты воруешь?

Элио. Я не ворую. Я устраиваюсь, как могу. От жизни я всегда получал одни синяки и шишки. Начиная с несчастливого детства...

Эдда. В детстве все несчастливые. Не оправдывайся и не спекулируй на своём детстве. Ну, так что мы теперь будем делать? (*Длинная пауза*). Послушай, так как ты мне симпатичен, и ситуация меня забавляет, я займусь тобой.

Элио. Зачем?

Эдда. Просто так, чтобы развлечься.

Элио (*так же нагло*). Вы меня усыновляете?

Эдда. Нет. Я ограничусь тем, что возьму тебя в свой дом. Буду кормить, одевать, предоставлю комнату, где ты будешь спать...

Элио (*обескуражен*). А я?.. Что я должен буду делать взамен?..

Эдда. Станешь моим компаньоном.

Элио. То есть?

Эдда. Я одинока... целыми ночами не могу заснуть... мне нужен кто-то, с кем бы я могла разговаривать в такие часы... кто всегда перед глазами... Я беру в дом тебя, потому что ты молод, а я уже нет. Юноша, у которого вся жизнь впереди, – справедливая компенсация для женщины, которая свою жизнь уже прожила. Кто-то заводит дома собачку, кошку или канареек... я тоже взяла пару котов, меня убеждали, что они ночные звери. Какое там! Дрыхнут ночь напролёт!.. Так почему бы мне не взять в дом мальчика... такого, как ты... который умеет говорить... слушать... дышать...

Элио (*с любопытством*). То есть все, что от меня требуется, это разговаривать с вами?

Эдда. Если я позвоню в комиссариат, ты сядешь в тюрьму. Я тоже предлагаю тебе тюрьму, но намного комфортнее. Вот эту самую. *(Обводит руками гостиную).*

Элио. И я не буду иметь права покидать её?

Эдда. Почему? Днём ты можешь ходить, куда хочешь. Но вечером обязан быть здесь. Со мной.

Элио. И у меня не будет личной жизни?

Эдда. Что ты понимаешь под личной жизнью? Девушек? Можешь заводить их, сколько твоей душе угодно... Вперёд! Решай! Или брать, или отдавать. Имей виду, я действую по интуиции, не рассуждая. Если я включу рассудок, могу и передумать.

Элио хочет что-то сказать, но она останавливает его.

Я тебе предлагаю испытательный срок.

Элио. Я согласен.

Эдда. Испытательный для меня, а не для тебя. Если будет получаться не так, как я себе это представляю, я выброшу тебя на улицу.

Элио *(усмехаясь).* То есть... если я правильно понял... я уже числюсь на службе... пока?..

Эдда. Только не думай, что фортуна уже повернулась к тебе лицом. Я женщина с характером. Ты можешь ещё пожалеть. Сядь. *(Пауза).* Как тебя зовут?

Элио. Элио.

Эдда. Какое претенциозное имя.

Элио. Почему?

Эдда. Не помню, на каком языке... оно обозначает солнце... Ладно, имя меня тоже устраивает. Теперь слушай внимательно. Прежде всего, примешь ванну. Мне нравится, когда люди вокруг меня пахнут чистотой. Завтра пойдём по магазинам, обновим твой гардероб. Спать будешь пока в угловой комнате. Позже решим, куда тебя поместить. Днём делай все, что хочешь. Твоя служба начинается с шести вечера. Договорились?

Элио. Но вы... вы же обо мне ничего не знаете...

Эдда. А что я должна знать?

Элио. Ну, может, было бы лучше... *(Умолкает. Подходит к полке с пластинками, рассматривает их).* Музыка былых времён...

Эдда. Музыка моего времени. Та, что нравится мне. Хотя я слушаю её нечасто.

Элио. Почему?

Эдда. Пробуждает слишком много воспоминаний.

Элио *(серьёзно).* А вам этого не хочется?

Эдда. Приятных воспоминаний хочется.

Элио *(с интересом).* А есть неприятные, те, которых вы не хотите вспоминать?

Эдда. Да, есть.

Элио. Что, например?

Эдда. Это тебя не касается.

Длинная пауза. Элио подходит к ней, собираясь что-то сказать. Запыхавшись, вбегает взволнованная Фока.

Фока. Синьора!.. Синьора!..

Эдда. В чем дело? Что-то случилось?

Фока. Ваш отец, он...

Эдда. Он что?

Фока. Он умер.

Эдда. Да упокой Господь его душу. (*Крестится. Элио*). Кончились его страдания. (*Фоке*). Скажи сиделке, пусть она поможет тебе одеть его и приготовить к погребению. Мы придём позже. Я... и он... (*Указывает на Элио*). Молодой человек останется у нас. Приготовь ему ванну, подбери пижаму и халат. Теперь, когда моего отца больше нет со мной, он составит мне компанию. (*Царственным жестом*). Ступай, Фока, ступай.

Фока внимательно смотрит на Элио. Выходит.

Отмучился, несчастный старик.

Элио. Мои соболезнования... мне очень жаль, синьорина...

Эдда. Тебе-то что за дело, что мой отец умер? Никакого.

Элио. Но я появился здесь в такой скорбный для вас момент...

Эдда. То, что ты появился в этом доме в такой момент, может быть, тоже знак судьбы.

Элио. Во всяком случае, это очень печальное обстоятельство, и я...

Эдда (*резко*). Хватит! Смерть – не та тема, что доставляет мне удовольствие... а только расстраивает... Подай мне успокоительное.

Элио растерянно рассматривает лекарства на столике.

Побыстрее не можешь?.. Оно в большом флаконе... на подносе... Тебе придётся научиться распознавать мои лекарства.

Элио берет флакон с успокоительным и протягивает Эдде.

(*Принимает таблетку*). Ты, наверное, считаешь, что я должна была устроить сцену отчаяния... биться в рыданиях... ломать руки от горя...

Элио. Да нет, я...

Эдда. Молчи. Дай мне сказать... И сядь, не маячь перед глазами!

Элио покорно садится в кресло.

(*Опустошает бокал с вином*). Он не был моим отцом.

Элио (*с изумлением*). Как это?

Эдда. Ты плохо слышишь? Я сказала, он не был моим отцом.

Элио. А кто же он тогда был?

Эдда. Старик. Обыкновенный старик. Я подобрала его на улице несколько лет назад. Взяла в дом, чтобы мне не было одиноко по ночам. А чтобы он не засыпал, я давала ему возбуждающие средства. Видимо, переборщила. Все-таки он был стар, и сердце не выдержало... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Элио (*глядя на неё с ужасом*). Понимаю...

Эдда. Он умел слушать... добрый... кроткий... И глухой. Совсем глухой. Встань.

Элио встаёт.

(*Достает из ящика комода чёрную вуаль, набрасывает себе на голову. Торжественно*). Идём, Элио. Пойдём к нему. Подай мне руку. (*Уходят*).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же обстановка. Десятью днями позже.

Эдда, в нелепом платье для торжественных приёмов, в макияже и с укладкой, сидит в кресле и курит.

Элио, слегка облагороженный – фланелевые брюки и кашемировый свитер, – развалился в углу дивана с мрачной физиономией. Также курит.

Эдда (*посмотрев на Элио и покачав головой, бросает ему ключи от бара*). Выпей что-нибудь, это поднимет тебе настроение.

Элио (*ловит ключи и идёт к бару*). А вы что будете пить?

Эдда. Ничего. Печень. Врач запретил мне спиртное. Не понимаю. В моё время люди пили и ели втрое больше и умирали при здоровой печени. А сегодня все ходят вот с такой огромной печёнкой. Как гуси... Уверена, у тебя тоже печень не в порядке.

Элио. Не думаю.

Эдда. Подожди немного и сам убедишься. От этого никуда не деться. Когда-то был железный век, за ним золотой, а сейчас мы на пике печёночного века.

Элио возвращает ей ключи, которые она убирает в сумочку.

Чем сегодня занимался?

Элио. Спал до полудня... Потом ходил за газетами...

Эдда. Я давно перестала их покупать. Развернёшь – и рискуешь заработать инфаркт. Хотя многие их читают. Топят собственные горести, читая о чужих. Если бы каждый больше думал о своих проблемах, как это делаю я, его бы меньше интересовало то, что происходит в мире. Я как-то раз послала к черту одного придурка, который пришёл ко мне с просьбой подписать петицию в защиту мира. Если люди хотят перерезать себе глотки, не надо лишать их этой возможности. Чем реже будет население на этой земле, тем чище воздух.

Элио. Знаете, если бы все рассуждали, как вы...

Эдда. ...мир в перспективе стал бы гораздо лучше.

Элио. Ну да, и в нем жили бы одни дикари.

Эдда. А разве их и сейчас не полным-полно?

Элио. Если бы люди были внимательнее друг к другу... если бы помогали друг другу...

Эдда. Ты говоришь как подрывной элемент.

Элио. Какой ещё элемент! Я просто думаю, что...

Эдда. А ты не думай. Трать меньше энергии.

Элио. Но мои мысли...

Эдда. Они мне не интересны. Я держу тебя при себе не для того, чтобы выслушивать твои мысли, а для того, чтобы ты выслушивал мои. Ясно? Как тот, который умер.

Элио. Он был глухой.

Эдда. А ты нет. Вот и пользуйся этим, потому что всегда есть, чему учиться. Сиди молча, пей спокойно свой виски и не создавай себе проблем. Тем более, что ни ты, никто другой не решите их. У тебя всего одна жизнь. Так старайся получать от неё удовольствие, как это сделала я. Ты видишь, теперь я живу безмятежной жизнью, без сожалений и угрызений совести.

Элио (*с издёвкой*). В самом деле?

Эдда. Вы, сегодняшние молодые, сами не знаете, чего хотите. Вас все не устраивает. В отличие от вас, наше поколение было похоже на птиц, счастливых уже только потому, что живут на этом свете... Мамма миа, какой скачок сделало человечество!.. Ты бы назвал это

прогрессом... но что он дал, этот прогресс, людям? Горы техники. Люди потеряли себя... они раздавлены этими мегатоннами металла. Я часто спрашиваю себя, что будет с миром, если он пойдёт такими шагами и дальше? Посмотри, что делают люди с флорой... с фауной... со всем тем, что им дала природа... Они разрушают все это!.. Бабочки... ты не обратил внимания, что они почти исчезли? За все прошлое лето я увидела только одну... Причём такую маленькую и слабую, что у неё не было сил даже летать... Несчастливая белая бабочка...

Элио (*иронично напевает*). Бабочка, бабачушечка...

Эдда. А ведь прежде здесь весной были стаи бабочек. Вся терраса, сад, веранда, улица... все было в бабочках... сотни, тысячи, десятки тысяч бабочек...

Элио (*забавляясь*). Здесь что, был их питомник?

Эдда (*кричит*). Фока!.. Фока!.. Фока!!.. (*Элио*). Сейчас Фока тебе скажет, вру я или нет.

Элио. Оставьте Фоку в покое. Я верю всему, что вы говорите.

Эдда (*продолжает кричать*). Фока!!.. Фока!!.. Куда тебя черти унесли?

Фока (*вбегает*). Вот она я!..

Эдда. Этот молодой синьор не верит мне, что здесь когда-то была масса бабочек... Расскажи ему, сколько их было!..

Фока (*с удивлением смотрит на неё*). Сколько было бабочек?!..

Эдда (*продолжает говорить, словно Фока ещё не вошла*). Бабочек... белых, розовых, жёлтых, темно-синих, оранжевых... всех цветов радуги...

Фока качает головой и выходит.

Они порхали в лёгком воздухе, и в этом была поэзия жизни... А что сейчас может порхать в этом грязном воздухе... чёрном от смога... отравленном химией... что?.. Микробы... вирусы... бактерии... инфекция... радиоактивность... Замечательный прогресс!

Смотрит на Элио, который сидит со скучающим видом, уставившись в потолок.

Я говорю, а ты меня даже не слушаешь?.. Ответь... Скажи хоть слово!.. Я тебе предложила выпить, чтобы у тебя поднялось настроение, а ты все равно продолжаешь сидеть с похоронным видом... словно на тебе нагнали тоску чистые простыни и говьяжье филе... Улыбнись, по крайней мере, парочку раз. Покажи свои прекрасные зубы... Ах, видел бы ты, как улыбалась я в своё время!.. Не зубы, а жемчуг, говорил мой магараджа... а уж он-то в жемчуге понимал лучше всех на свете... Даже сейчас... смотри. (*Демонстрирует ему зубы*). Все свои. (*Взрывается*). Если сегодня вечером ты не собираешься открывать рта, то хотя бы поставь какую-нибудь музыку!

Элио (*поднимается и идёт к проигрывателю*). Какую пластинку вам поставить?

Эдда. Первую попавшуюся.

Элио (*берет первую же пластинку, читает этикетку*). Танго.

Ставит пластинку на проигрыватель. Звучит старинное танго.

Эдда. Вот настоящая музыка. Вы, молодые, потеряли чувство мелодии и гармонии. Вам нравятся только то, что напоминает мотоциклетный рёв. Вы вернули мир в джунгли... (*Подпевает звучащей мелодии*). Это танго я танцевала с принцем крови... Его высочество из-за меня напрочь потеряло голову... (*Опять подпевает*). Один вечер, равный эпохе. Весь этот вечер я танцевала только с ним... Он так сильно прижимал меня к себе, что мне даже не хватало воздуха... На мне было платье цвета слоновой кости... длинное... элегантное... обтягивало меня, словно перчатка... И не единого украшения. Только брильянтовая диадема в блестящих

волосах. Ты богиня, говорил он мне. А тореро, который пригласил меня на этот праздник после корриды, стоял, опершись о колонну, и сжигал меня ревнивым взглядом... (*Резко*). Сними пластинку!

Элио. Почему?

Эдда. Некоторые воспоминания нагоняют на меня меланхолию... Ах, до чего же я была красива!.. Безумно красива... Впрочем, я и сейчас не выгляжу на свой возраст. Это благодаря коже, которая остаётся такой же, какой была. А ведь я ничего не с ней делаю... абсолютно ничего... не пользуюсь ни косметикой, ни кремами, не делаю массажей. Только вода и мыло. Я унаследовала эту кожу от своей матери... даже в восемьдесят лет у неё было лицо, как фарфоровое... Ну и конечно, смещение многих кровей. Среди моих предков есть все понемногу... включая прадеда араба и прапрабабушку черкеску... Ещё и сейчас, когда я иду по улице, мужчины смотрят мне вслед. В прошлый четверг один синьор катил за мной почти целый час на своей инвалидной коляске... инвалид, но очень симпатичный!.. Но с мужчинами я все. Навсегда... Хотя если бы нашёлся кто-то, кто абсолютно потерял бы из-за меня голову... Как Эдгар, много-много лет назад. Высокий, стройный блондин с волевым взглядом... Потом он стал военным министром... это он, который терпеть не мог военных и ни дня не служил в армии! А какая у него была улыбка! Все от неё таяли... Я всегда говорю, что секрет успеха в улыбке... Он умер, бедный Эдгар, и сейчас улыбается ангелам... Бог знает, почему, но все мужчины, которые меня любили, умерли. Все до единого. Как эпидемия какая-то... Но одиночество меня не угнетает. Когда-то угнетало, когда я ещё не смирилась с тем, что приходится ложиться в постель одной. Ещё бы! Со мной такого не случалось с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать... Зато теперь я могла бы жить даже в пустыне. Лишь бы кто-то, пускай бедуин, готов был бы выслушивать меня по ночам, когда у меня бессонница. (*Пауза. Смотрит на Элио*). Но это должен быть не абы какой мужчина, а тот, кто мне, в мои года и с моим опытом, смог бы вскружить мне голову... Молодой... мне нравятся молодые мужчины... высокий... терпеть не могу низкорослых... сильный... мускулистый... умный... Уверена, если бы я захотела, я бы нашла такого. Или ты считаешь, что я уже не могу понравиться красивому молодому человеку?

Элио (*неуверенно*). Почему... можете... конечно...

Эдда. Как у тебя с женщинами? Должно быть, отбоя от них нет, так и липнут, как мухи. К такому-то красавцу!.. Фока жалуется. Говорит, ты все время оставляешь дверь открытой, когда принимаешь душ, и она вынуждена смотреть на тебя, совсем голого...

Элио. Если ей неприятно, пусть зажмурируется.

Эдда. А не проще тебе закрывать дверь?

Эдда. Не хочет, пусть не смотрит.

Эдда. Но ты ведь не закрываешь дверь специально...

Элио. Сначала я её закрывал. Даже запирал на ключ.

Эдда. Почему перестал?

Элио (*с ухмылкой*). Мне показалось, что Фока от этого очень страдает.

Эдда. Все вы мужики одинаковы... Нарциссы... павлины... А ты, видимо, выглядишь неплохо... голым... широкие плечи... узкие бедра... гордая посадка головы... Советую тебе закрываться на ключ по ночам, иначе рискуешь тем, что Фока набросится на тебя. (*Оба смеются*). Наконец-то я вижу, как ты смеёшься. Смейся, смейся, мрачный тип. Смех тебе к лицу. Не знаю, что я готова сделать, чтобы видеть тебя всегда в хорошем настроении... Может, тебе стоит почаще выходить из дома? Гулять? Развлекаться с юными простушками?.. А то ты вместо этого смущаешь голым видом служанку, томишься общением со мной... пожившей женщиной... из высшего света... Кстати, если тебя унижает, что ты должен принимать душ в ванной служанки, можешь делать это в моей, она просторнее и удобнее... Что ты на это скажешь?

Элио не отвечает.

Эдда проводит рукой по его волосам.

Элио отшатывается.

Что с тобой, прекрасный мизантроп?

Элио (*нервно ходит взад-вперёд по комнате, затем останавливается перед Эддой, серьёзным тоном*). За все эти десять дней вы ни разу не задались вопросом, почему я позвонил именно в вашу дверь?

Эдда. Чтобы войти, я полагаю.

Элио. Я хотел познакомиться с вами. А когда вы предложили мне остаться, я не поверил своим ушам.

Эдда. Могу вообразить.

Элио. Я всего лишь хотел увидеть вас и сразу уйти.

Эдда (*с любопытством*). Увидеть меня? Зачем?

Элио молча смотрит на неё, не отвечая.

Не хочешь мне объяснить?

Элио. Сначала, ещё немного виски...

Эдда бросает на него беспокойный взгляд, даёт ключи от бара.

Элио открывает бар и наливает виски в два стакана.

Я налил и вам тоже. Вам это понадобится.

Эдда. Почему? Что такого ты хочешь сказать мне?

Элио протягивает ей стакан.

Что ты пришёл сюда, чтобы убить меня?

Элио. Нет. (*Возвращает ей ключ и одним глотком выпивает виски*).

Эдда. А что тогда?

Элио (*решившись*). Я пришёл, чтобы познакомиться с моей матерью.

Его слова молнией поражают Эдду.

Эдда (*стараясь контролировать себя*). Интересная новость...

Элио. Вы – моя мать.

Эдда (*нервно*). Я родила ребёнка, когда мне было пятнадцать лет, но он умер несколько дней спустя...

Элио. Да, но позже вы родили ещё одного. (*Чётко, почти по слогам*). Двадцать три года назад.

Эдда (*понемногу теряя самоуверенность*). Двадцать три года назад я была в Индии... гостила у магараджи...

Элио. Вы уехали туда после того, как вышли из родильного дома, где произвели на свет здорового ребёнка мужского пола, весом три килограмма сто восемьдесят грамм. Тот ребёнок – это я. Двадцать три года спустя.

Эдда (*в полуобмороке, лихорадочно пьёт виски*). Ты говоришь это так, будто это было на самом деле...

Элио. Я могу подтвердить свои слова.

Эдда. Я лучше тебя знаю, что было со мной в моей жизни.

Элио. Иногда удобнее амнезия. (*Сухо*). Я родился в полдень двенадцатого марта двадцать три года назад. И двадцать четыре часа спустя был отдан в приют для подкидышей. В регистрационной книге было записано, что моя мать не пожелала назвать своё имя, а отец неизвестен.

Эдда (*энергично, переходя в контратаку*). Ну и что ты от меня хочешь?

Элио. Вы мне повесили на шею золотую цепочку с медальоном. (*Снимает с шеи цепочку и протягивает ей*). На обратной стороне медальона выгравирована дата с вашими инициалами. Я полагаю, вы сделали это, поддавшись чувству.

Эдда (*с горечью в голосе*). Да. (*Возвращает ему цепочку*).

Элио (*с иронией*). Теперь вспомнили?

Эдда. Смутно. (*Сливает в рот последние капли из стакана. Идёт к бару и наливает себе ещё виски*). Сегодня вечером без этого не обойтись. (*Пьёт виски*).

Очень длинная пауза

Ну и с какой целью ты заявился? Шантажировать меня?

Элио. Нет, мама.

Эдда (*взрывается*). Не называй меня так!

Элио (*с сарказмом*). А как я должен называть тебя?

Эдда (*твёрдо*). Что ты хочешь? Денег?

Элио. Нет.

Эдда. Тогда какого черта ты здесь делаешь?

Элио. Я хотел увидеть твоё лицо.

Эдда. Увидел? Доволен?

Элио. Да. Мы не похожи.

Эдда. А почему мы должны быть похожи?

Элио. Мы одной крови.

Эдда (*с силой*). Мне перелили кровь сразу после того, как ты родился.

Элио (*усмехнувшись*). Это многое объясняет.

Эдда. Почему ты мне сразу не сказал, кто ты такой?

Элио. Хотел получше с тобой познакомиться. Тем более, что ты так великодушно приняла меня в своём доме.

Эдда. Я приняла тебя как... как... (*Умолкает*)

Элио. ... как сына. Или почти. Тебе же и в голову не могло прийти, что я твой сын... Ты ни разу не задумывалась, что однажды мы можем встретиться?

Эдда (*жёстко*). Нет!

Элио. Рождён и забыт.

Эдда. Да.

Элио. Но когда я родился...

Эдда. ...я не хотела тебя видеть. Не могла себя заставить.

Элио. Несмотря на то, что я был частью тебя, и ты меня произвела на свет.

Эдда. И предала.

Элио. Допустим... Но позже... почему ты меня не признала позже?

Эдда (*искренне*). Было слишком поздно... когда я уже могла это сделать...

Элио. Конечно, проще было родить меня и бросить на волю судьбы.

Эдда. Приюты для подкидышей затем и существуют.

Элио. Ты хоть что-нибудь помнишь обо мне?

Эдда. Только то, что у меня была лёгкая беременность. Ни рвоты, ни обмороков. В шесть месяцев ещё никто не замечал, что я беременна. И даже позднее. Ещё потому, что тогда в моду

вошла одежда, как специально придуманная для беременных женщин, прямые широкие платья без талии. Мода, которая мне очень шла.

Элио. И роды были лёгкие?

Эдда. Да. Их принимал первоклассный врач. Высокий блондин, с загорелыми руками. Уже через три дня я была дома. А через неделю уехала.

Элио (*с иронией*). Класс! Значит, я не заставил тебя страдать, явившись на этот свет... и вообще не доставил тебе никаких неудобств... идеальный сын! (*Пауза*). Ещё один вопрос. Ты можешь сказать мне, кто мой отец?

Эдда (*решительно*). Нет.

Элио. Но как же так?..

Эдда. Дело в том, что год, предшествовавший твоему рождению, был... как бы это сказать... довольно оживлённый...

Элио. И ты даже не пыталась разобраться, от кого у тебя ребёнок?..

Эдда (*избегая его взгляда, легкомысленно*). Сначала я думала, что ты сын австрийского барона, погибшего через несколько дней в автомобильной гонке... или шведского капитана сирийского танкера... Но ты не похож ни на первого, ни на второго...

Элио. Посмотри на меня получше. Может быть, я все-таки кого-то тебе напоминаю?

Эдда (*вглядывается в него*). Кажется, напоминаешь... кого-то, кого я знала... нет, не могу... не могу вспомнить...

Элио. А ты сделай усилие.

Эдда (*закрывая тему*). Бесполезно. Я не вспомню.

Элио. То есть за те десять дней, что я торчу у тебя перед глазами, я тебе так и не напомнил никого из мужчин, с которыми ты... с которыми ты была знакома?

Эдда. Нет. (*Пьёт виски*).

Элио (*берет бутылку из бара, садится рядом с Эддой, наливает ещё виски себе и ей*). Почему бы нам не соединить усилия? Не хочешь, чтобы я тебе помог?

Эдда (*смотрит на него с удивлением*). Ты?!.. Каким образом?..

Элио. Я могу составить список мужчин, о которых ты мне рассказывала. Магараджа, например...

Эдда (*быстро*). С ним я познакомилась после твоего рождения.

Элио. Эдгар... военный министр...

Эдда. Этот был задолго до твоего рождения.

Элио. Миллиардер с розами... Он мог послать тебе миллион роз и оставить тебе... шип от них... (*Показывает на себя*).

Эдда. Я встретила его после магараджи.

Элио. А не мог я оказаться сыном того, кого сожрал вот этот зверь? (*Указывает на шкуру тигра*).

Эдда. Рамон был моей юношеской любовью.

Элио. А почему бы мне не быть сыном нефтепромышленника?

Эдда. Какого нефтепромышленника?

Элио. Которого крокодилы сделали вдовцом...

Эдда отрицательно качает головой.

А может быть, этот художник? У меня явные артистические наклонности...

Эдда. Ты что? Он был педераст!

Элио (*обращаясь к портрету*). Прости. (*Эдде*). Только не говори, что я сын негра-музыканта, который хотел отвезти тебя в Калифорнию... А не тот ли этот султан, который хотел

заполучить тебя в свой гарем?.. Или тореадор, который подставился под рога быка после того, как ты его бросила?.. Ну же, напряги мозги!..

Эдда (*понимает, что втянута в игру, но держит себя в руках. С неожиданной нежностью*). Прошло двадцать три года, Элио.

Элио. Как же так получается, что ты помнишь столько всего, кроме того, кто был отцом твоего сына?

Эдда. Мы, женщины, такие слабые создания... Мужчины приходят в нашу жизнь и уходят из нашей жизни, а мы порой даже не обращаем на это внимания. Сам, наверное, знаешь, как это бывает... Лунная ночь... вальс... бутылка шампанского... А утром что? Синяки. Синяки – единственное, что тебе остаётся от ночи любви. (*Вспыхивая*). Это было так необходимо?! Вытаскивать на свет всю эту старую историю?..

Элио (*холодно*). Я было вынужден прояснить наши отношения, прежде чем ты попыталась бы трансформировать их в другие... Понимаешь, о чем я?

Эдда. Понимаю. Во всех случаях, ты мог бы прояснять их с большим тактом... считаюсь с моей чувствительной душой... Я уже не молода... у меня изношенное сердце... даже небольшие волнения опасны для меня... А уж то, что ты мне устроил!..

Элио. Давай не будем лукавить. Не больно-то я тебя и взволновал...

Эдда. Не скажи. Ты поступил очень жестоко... и тебя абсолютно не волновало моё здоровье... А я так заботилась о тебе!..

Элио. Поскольку даже не догадывалась, кто я.

Эдда (*вскидывается*). Конечно, не догадывалась! Я до сих пор не могу поверить в это... (*Взвизгивая себя*). Чего ты домогаешься? Чтобы я принялась рыдать... бросилась тебе на шею... и сквозь рыдания повторяла бы, как я тебя люблю?.. Я не умею притворяться... Вообще, вся эта история... такая неожиданная... такая абсурдная... Я уже давно позабыла, что родила тебя... И вдруг ты вламываешься... внезапно... взрослый мужчина... крупный... длинноногий... должна же я прийти в себя!.. Дай мне немного времени. Не дави на меня... Может дальнейшее общение мне понравится...

Элио (*усмехнувшись*). Не сомневаюсь, что понравится.

Эдда. Докажи.

Элио (*иронично*). Мама!.. Мамочка!..

Эдда (*отрицательно качает головой*). Нет, не то... Ещё раз... Больше нежности...

Элио (*сухо*). Я тоже не умею притворяться. Как и ты. (*Пауза*). Неужели ты, правда, так и не скажешь мне, кто мой отец?

Эдда (*так же сухо*). Я этого не знаю.

Элио. И ты дала мне жизнь, даже не позаботившись узнать, кто...

Эдда (*перебивает его*). Какая тебе разница, кто? Какое это имеет значение?.. Допустим, твоего отца зовут Джакомо. Или Никола...

Элио. ... или Альфредо...

Эдда (*это имя поражает её как молния*). Как ты сказал?..

Элио. Альфредо. Имя как имя. Тебе оно о чем-то говорит?

Эдда (*не желая, чтобы Элио заметил её состояние, якобы легкомысленно едва слышно напевает*). Альфредо, Альфредо, Альфредо... (*Вдруг резко*). Говори, от кого ты это узнал?

Элио. От одного заинтересованного лица.

Эдда. От Альфредо?.. Значит, ты знаешь, кто твой отец?

Элио. Знал. (*С болью*). Он умер.

Эдда. Но он же был не стар.

Элио. Твой ровесник.

Эдда. Как он умер?

Элио. От дурной болезни.

Эдда. Назови мне хорошую болезнь. *(После паузы.)* Как ты его разыскал?

Элио. Скорее, он разыскал меня. Мне было тогда шестнадцать, и я жил в одной бедной семье, которая взяла меня из приюта.

Эдда. И он тебя узаконил?

Элио. Да. И взял жить к себе. У меня была комната, похожая на чулан, за столярной мастерской, где он работал.

Эдда *(на миг закрывает глаза)*. Я её помню. *(Пауза)*. Как он узнал о тебе?

Элио. Он мне этого не сказал.

Эдда. Так и умер... не сказав...

Элио. Да. Так и умер... полгода назад. *(Пауза)*. Он был хороший человек... добрый... порядочный...

Эдда. Чересчур!

Элио. ...спокойный... приветливый... Все бы хорошо, если б его не настиг этот порок... пристрастие к алкоголю...

Эдда *(с болью в голосе)*. Он у него всегда был, этот порок... Всегда... И когда напивался, он ничего не соображал... на него накатывали приступы тоски... он плакал... пытался покончить с собой... жизнь превращалась в ад... Я вспоминаю ту комнатёнку, как кошмар... тёмная... душная... и этот приторный запах клея и стружек... нищета... постоянный голод...

Элио. Он потерял веру в жизнь... нервы были, как оголённые провода... и все у него шло кувырком... Но я ему благодарен за все, что он мне дал...

Эдда. А что он тебе дал? Нищету и голод?

Элио. Он дал свою фамилию.

Эдда. По-твоему, это много?

Элио. Для того мальчишки, каким я был, это значило очень много.

Эдда *(пожимает плечами)*. Розовые сопли! Вот что он передал тебе, помимо фамилии... Идеалист! Мечтатель! Глупец! Один из тех, кого родина призывает на войну, а он тут же и бежит туда, задрав хвост... с радостью... побрившийся, умывшийся... да ещё с песней!.. *(С яростью)*. Если ты знал, кто твой отец, зачем ты все это время морочил мне голову?

Элио. Хотел узнать, помнишь ли ты о нем.

Эдда. Как только ты сказал мне, что ты мой сын, он сразу встал у меня перед глазами... в белой праздничной рубашке... голодный, как собака... с выражением вечной жертвы на физиономии... и все эти дни промелькнули... лишений и отчаяния, которые мы вместе с ним пережили... Это был самый страшный период моей жизни. Вот почему я сделала все, чтобы забыть о нем., и я уже совсем поверила, что мне это удалось... А сейчас... как будто все это было со мной вчера... *(Она теряет весь свой апломб)*. Да, ты очень похож на него... тот же взгляд... та же фигура... Но ты более утончён. Это, конечно, от меня. Но и твой отец был очень красив... высокий... сильный... Когда мы шли рядом... *(с отчаянием)*. Зачем ты заставил меня вспоминать все это?!..

Элио *(с сарказмом)*. А как, интересно, получилась, что ты, водившая знакомства с принцами и миллиардерами, выбрала именно столяра, чтобы родить меня?

Эдда. Святой Иосиф тоже был столяром.

Элио. Почему ты ему не сказала, что ждёшь ребёнка?

Эдда. Он бы тогда в лепёшку расшибся, чтобы жениться на мне. А я, если бы дала ему такой повод, никогда бы уже не смогла освободиться от него... Он был неудачник... но у него было обострённое чувство семьи и долга... А у меня... у меня были совсем другие предпочтения...

Элио *(с сарказмом)*. Ну ясно! Принцы... миллиардеры... тореадоры... магараджи...

Эдда *(с силой)*. Я хотела взять от жизни только то, что, по справедливости, должно было принадлежать такой женщине, как я!

Элио. И чтобы я не мешал тебе добиваться своих целей, ты и спавила меня в приют!..

Эдда. Я тебя не хотела.

Элио. Неужели ты избавилась от меня без всяких угрызений совести?

Эдда (*искренне, с болью*). Я родила своего первого ребёнка совсем девочкой. Его я хотела, а он умер. А когда я носила тебя, я была уже зрелой женщиной. И понимала то, чего не могла понимать в юности. Были вещи, которые жгли мне душу...

Элио. Это было связано с моим отцом?

Эдда. Нет... с моим детством... с моей матерью...

Элио (*с иронией*). С графиней?

Эдда. Я всегда стыдилась своей матери... Она разрушила свою жизнь ради меня, а я стыдилась её, понимаешь!.. (*С гневом*). Я не хотела повторить её путь! Родить ребёнка, а потом этот ребёнок вырастет и будет испытывать стыд за меня?!..

Элио. Но так оно и есть! Ты что, думаешь, что сейчас мне не стыдно за тебя?

Эдда. Сейчас это не имеет для меня значения. Я хотя бы не пошла ни на какие жертвы, как это сделала ради меня моя мать...

Элио. ... графиня... (*Смотрит на неё с холодной улыбкой*).

Эдда избегает его взгляда.

Хороша у нас семейка!.. Теперь я понимаю, к чему привело смещение кровей, о котором ты говорила. Это так возбуждает – отыскать собственные корни...

Эдда (*смотрит на него с досадой*). Я надела на себя броню. Здесь... (*указывает себе на сердце*) железо в два пальца толщиной. Я заставила себя прекратить страдать... забыть о нищете, голоде и унижениях... об всем том, о чем мне было больно вспоминать. Мне удалось построить собственную жизнь такой, о какой я мечтала... и никаких тяжёлых воспоминаний... (*Зло*). А ты явился и все разрушил! Зачем? Разве было бы не довольно того, что ты обрёл свою мать?.. А об остальном мог бы и промолчать... Но нет! Взорвал бомбу! И, не вынимая рук из карманов, с мрачным взглядом устроил мне судилище! С какой целью? Объясни мне это, мерзавец!

Элио. Моя горячо любимая мамочка, ты считаешь, что моя жизнь началась всего десять дней назад? Когда я вошёл в твой дом?.. Нет, уж поверь мне, я жил и до этого... жизнью, полной невзгод и страдания... С тех пор, как я стал соображать, я только и думал, как послать к черту этот мир, в котором мне было плохо, неудобно, горько... Я любил моего отца, со всеми его пороками, его печалью и его нищетой... Но тебе это неинтересно. Тебе ничего не интересно знать о моей жизни. Ты занята только своей. И если ты думаешь, что я явился сюда исключительно для того, чтобы смутить твой покой, ты ошибаешься. (*С силой*). Вот скажи мне, что я смутил, твой покой или твою совесть?

Эдда (*с каменным лицом*). Моя совесть спокойна.

Элио. А, ну да. Она ведь тоже в броне, толщиной в два пальца.

Эдда. Я должна была нарастить эту броню. Иначе сегодня меня бы уже не было в живых.

Элио. Жаль, что этого не произошло. Таковую мать, как ты, лучше иметь не на земле, а под землёй.

Эдда. Я лягу в землю, когда пробьёт мой час. И мне все равно, прольёшь ли ты на моих похоронах хоть слезинку или нет.

Элио с ненавистью смотрит на неё.

Очень длинная пауза.

Элио ходит взад-вперёд по комнате. Потом садится, наливает виски, выпивает. Встречается взглядом с Эддой.

Почему ты так на меня смотришь? (*Примирительно*). Ладно. Раз уж все сложилось, как сложилось, давай-ка пойдём до конца. Хотя бы для того, чтобы освободиться от груза... Я не права?..

Элио молчит.

Ответь мне... Я не права?

Элио сидит молча.

(*С яростью*). Говори же!.. Если ты мой сын... расскажи мне о себе!..

Элио молча выдерживает её взгляд.

Ты мужчина что надо... красавец, прекрасного роста, прекрасного сложения... Правда, профессии у тебя нет... и ты никогда не работал... В тюрьме не пришлось посидеть?

Элио. Не пришлось.

Эдда. Продолжай в таком же духе, и сядешь.

Элио (*с сарказмом*). Когда сяду, сразу сообщу тебе об этом. Может быть, ты, с твоими знакомствами, вытащишь меня оттуда. Такая женщина, дочь графини и посла, обольстившая великого князя, любовница принцев, министров, миллиардеров, магараджей и ещё, Бог знает, скольких знаменитых политиков, финансистов, артистов, художников...

Эдда. Прекрати! Меня это не забавляет.

Элио. Меня тоже. Твоя жизнь мне так же неинтересна, как моя тебе. Единственное, за что я тебя осуждаю, так это за зло, которое ты мне причинила...

Эдда. Не драматизируй. Приют ещё никому не ломал жизнь.

Элио. Ты убеждена?

Эдда. Приют закаляет характер, учит выживать в самых трудных обстоятельствах... Мой американский миллиардер, например, тоже был подкидыш... его тоже сразу после рождения определили в сиротский приют. И это не помешало ему поймать удачу за хвост. Он начал трудиться с раннего возраста, ещё ребёнком... ходил по улицам и собирал пробки от пивных бутылок... И постепенно заработал свои миллиарды...

Элио. На крышках от пивных бутылок?

Эдда (*будто не слыша*). ...а когда ему захотелось обзавестись родителями, нашёл себе прекрасную парочку... отца-сенатора, прямого как столб, и мать... из бостонского высшего общества, с копной светлых волос, которые вызывали у него нежность... Он поженил их и дал за матерью прекрасное приданое... Но ты сделан из другого теста. Ты сын своего отца. Интересно, что он рассказал тебе обо мне...

Элио. Кто?

Эдда. Отец. Альфредо. Воображаю, что он тебе нагородил... особенно если не просыхал все это время...

Элио. Ты была единственная женщина в его жизни, которую он любил. Перед смертью он взял с меня обещание найти тебя. Вот почему я здесь. И теперь я понимаю, почему он, несчастный, не отдавал себе отчёта в том, кто ты есть...

Эдда (*саркастически*). А ты, в отличие от него, сумел это сделать?

Элио. Да. Ты женщина, от которой надо держаться подальше.

Эдда (*с невинным видом*). Это почему же? Я никогда никому не причиняла зла. Его всегда причиняли мне другие.

Элио (*с иронией*). Ты хочешь сказать, ты жертва.

Эдда. Все мы жертвы в этой жизни.

Элио. Отец до последних дней верил, что вы могли бы прожить вместе прекрасную жизнь.

Эдда. Уж куда прекраснее! В нищей вонючей норе, плодя себе подобных, одного за другим...

Элио. Зато это была бы настоящая жизнь. И тебе не надо было бы на старости лет придумывать себе фальшивые воспоминания, чтобы защититься ими от других, настоящих, которые мучают тебя и доставляют боль...

Эдда (*устало*). Оставь меня в покое, Элио...

Элио (*ожесточаясь*). Ты млеешь от счастья, живя этими воспоминаниями... и даже покупаешь себе аудиторию, которая внемлет твоим рассказам... Ты умело рассказываешь свои истории, спорить не буду... И о несчастном Рамоне, растерзанном тигром... и о магарадже, осыпавшем тебя жемчугом... о тореадоре, сгоревшем от любви... о поэте, посвящавшим тебе стихи... о принцах... миллиардерах... министрах... Ты стараешься этим замаскировать убогость твоей реальной жизни... Во всех этих рассказах нет ни слова правды...

Эдда (*отчаянно пытаюсь отстоять своё*). Это верно, до твоего рождения, я, действительно, жила в нищете и убогости. Но после... нет!.. После твоего рождения моя жизнь изменилась!..

Элио (*иронично*). Стало быть, моё рождение принесло тебе удачу...

Эдда. Я получила все, о чем мечтала!.. Мир, наконец, заметил мою красоту... Потому что я и впрямь была редкостно красива... Хватило всего одного вечера в переполненном кафе в центре города, куда я пришла, одетая так, как умела одеться только я... голубое платье... соломенная шляпа с большими полями... русская борзая на поводке... все смотрели только на меня!..

Элио (*иронично*). Воображаю, что произошло дальше... автомобильная пробка... орда полицейских... генерал, при виде тебя пускающий себе пулю в лоб... очередь юнцов, которые записываются в Иностраный легион, чтобы забыть твой огненный взор... Видишь, я играю по твоим правилам!..

Эдда. Но я реально получила все, о чем мечтала... Любовь... роскошь... успех... Я богата. У меня есть все... Мне принадлежит эта квартира... эта мебель... ковры... серебро... не говоря уже о драгоценностях... Вот, этот изумруд не имеет цены... (*Протягивает ему руку с кольцом на пальце*). Мне подарил его магараджа, когда я гостила у него в Индии. Он приехал навестить меня на белом слоне, поцеловал мне руку и надел на палец это кольцо...

Элио (*рассматривает кольцо*). Слон, возможно, был настоящий, а изумруд... нет... Он фальшивый.

Эдда (*отдёргивает руку*). Ты с ума сошёл! Думай, что ты говоришь!

Элио. Одно время я работал у ювелира. Так что в чем, в чем, а в камнях разбираюсь.

Эдда. Оно и видно, как ты в них разбираешься... У такой женщины, как я, фальшивые драгоценности? Я отведу тебя в банк и покажу тебе мои рубины... сапфиры... бриллианты...

Элио. Не сомневаюсь, что они тоже фальшивые. Все до одного. Как твои воспоминания. Как вся жизнь, которую ты себе придумала. Только старик, которого ты притащила в дом, мог выслушивать твои басни, не смеясь тебе в лицо. И то потому, что был глухой и не слышал тебя.

Эдда (*задыхаясь от негодования, готовая впасть в истерику*). Ты!.. Ты так говоришь... потому что... ненавидишь меня!.. Потому что ты задумал разрушить мою жизнь!.. Поберегись!..

Элио. Я знаю все о тебе и о твоей жизни. О ночах, которые ты провела в каталажках после облав. О старике, с которым ты жила и который оставил тебе эту квартиру. Он был грязный,

мерзкий старикашка, промотавший все, чем владел. Ты оставалась с ним, несмотря на то, что он тебя унижал, постоянно избивал!..

Эдда. Это неправда! Неправда!..

Элио. Однажды он избил тебя так сильно, что ты несколько дней провалялась в больнице. Но ты терпела... крепилась из последних сил... Ещё бы! Он был твоей единственной надеждой...

Эдда (*кричит*). Лжец!.. Лжец!.. Уходи прочь! Я не хочу больше слушать тебя!.. (*Топает ногами по полу*). Что тебе от меня надо?.. Уходи!.. Вон отсюда!..

Элио с саркастической ухмылкой наблюдает за ней.

Ты ничего не можешь знать о моей жизни!.. Она была прекрасна!.. Что бы ты ни говорил!.. Я была безумна красива... фарфоровое лицо... кожа, как лепесток магнолии... сверкающие глаза... потрясающее тело... Я выглядела лучше, чем на этой картине!.. (*Указывает на картину*).

Элио хохочет.

Что тут смешного?

Элио. Интересно, кто эта женщина, которая позировала для картины...

Эдда (*потерянно*). Это я... я... тридцать лет назад...

Элио. Вряд ли.

Эдда. Ты мне не веришь?!

Элио (*достает из кармана пачку фотографий и бросает на диван*). Тридцать лет назад ты была вот такой. Симпатичной, но далеко не красавицей. Женщина, каких миллион.

Эдда (*рассматривает фотографии*). На этой не я... и на этой тоже... это не мои фотографии...

Элио. Твои. Мне дал их отец... Не хочешь взять на память?

Эдда (*опустошённая, берет фотографии, долго смотрит на них, затем рвёт на мелкие кусочки, собирает их в горсть, подбрасывает к потолку, с болью в голосе*). Бабочки... бабочки... (*После паузы*). С магараджей я, честное слово, была знакома... но одна девушка, ещё моложе, чем я, увела его у меня... И с принцем я была знакома... Он был маленький, хромой, у него пахло изо рта... я его не хотела... я только после узнала, что он принц... А однажды вечером, когда я сидела в кафе, на меня все время смотрел один мужчина... но я была такой уставшей, что ушла спать. На следующий день я увидела его фото в газете... он оказался нефтяным королём... Их было много, мужчин, которые меня брали, а потом бросали. Думаешь, среди них не было тореадоров, министров, художников?.. Но разве это моя вина, что мне не везло? В конце концов, я приткнулась там, где смогла. Да, я получила от той жизни немало... но зачем мне теперь все это?.. Я одинока. За плечами жизнь, которая могла бы стать чудесной, но не стала... Не торопись осуждать меня...

Элио. Некоторые женщины ищут прибежище в материнстве...

Эдда (*искренне*). Что же теперь виниться за то, что я этого тогда не знала? (*Помолчав*). Постарайся понять меня, Элио... (*Подходит к нему, хочет приласкать*).

Элио отодвигается.

К чему нам терзать друг друга?

Элио встаёт.

Эдда понимает, что Элио – её последний шанс: если он уйдёт, она останется абсолютно одна.

(Пытаясь завоевать Элио открытой лестью). Как ты похож на своего отца!.. Но ты намного лучше... Более тонок... более воспитан... У тебя грамотная речь... Ты учился? Откуда это у тебя?.. Точно не от меня и уж, конечно, не от твоего отца...

Элио. Я унаследовал грамотность от моей бабушки-графини или дедушки-посла.

Эдда. Принимай вещи такими, какие они есть, Элио. Постарайся хоть на мгновение взглянуть на меня без ненависти... Серьёзно, ты неотразим с этим своим взором корсара... женщинам такие очень нравятся... И ты выглядишь, как опытный мужчина... Хотя ты совсем не такой, каким хочешь казаться. Ты одинокий мальчик... мальчик, который нуждается в любви...

Элио. Только не в твоей. *(После паузы).* Ну что ж, теперь, когда мы высказались до конца, мы можем пойти каждый своей дорогой.

Эдда. Подойди!.. Ты хочешь уйти?.. Куда ты пойдёшь?..

Элио. Что тебе за дело?..

Эдда. Мир суров и несправедлив, Элио. Останься со мной.

Элио молчит.

Я поселю тебя в большой белой комнате, в той, где овальный потолок... и кровать в форме сердца...

Элио *(с сарказмом).* В форме материнского сердца...

Эдда *(с горечью).* Я протягиваю тебе руку, а ты её кусаешь... За что ты меня так ненавидишь?

Элио. Можно подумать, что ты меня любишь.

Эдда. Не уходи... Не оставляй меня одну. Я куплю тебе автомобиль... красный... Ты будешь возить меня на море. Мне полезно дышать морским воздухом...

Элио. Найми себе шофёра. Плати ему, и он будет возить тебя, куда пожелаешь.

Эдда. Мы поедem в Индию... на Антильские острова... а хочешь, на Гавайи... Там великолепно... танцующие аборигены... цветочные ожерелья... Увидишь, какая у нас с тобой будет шикарная жизнь...

Элио *(сурово).* Я не люблю грезить.

Эдда. Я закрываю глаза и вспоминаю день, когда ты родился... Я вижу все, словно это было вчера... После родов я посмотрела на себя в зеркало... бледная... глаза блестят... мне повязали волосы светло-голубой лентой...

Элио. Это единственное твоё воспоминание о том дне?

Эдда *(все более кроткая, все более потухшая).* Когда пришло время рожать, я была нездорова... Жизнь была слишком тяжела... дома не было... я постоянно переезжала из города в город... Со мной ты бы только страдал...

Элио. Что с тобой?.. К чему это вранье? Только что ты рассказывала мне совсем другие сказки... Мне они больше нравятся... они веселее... фантастичнее... забавнее... Ты так боишься остаться одной?

Эдда. Ты мне нужен. Ты мой сын...

Элио. Нет. Моя мать умерла во время родов. Так мне говорили с самого детства. И это истинная правда.

Эдда *(видя, что попытка улестить Элио не удалась, вновь становится жёсткой).* Ну и уходи! Будет лучше, если мы никогда больше не увидимся. Ты эгоист... ты монстр... неблагодарный!..

Элио (*хлопает в ладони*). Bravo! Выпустила-таки свои когти... кричи громче... Будь сама собой, какой ты всегда была!

Эдда. Будь проклят час, когда ты позвонил в мою дверь!.. Зачем ты только появился здесь!..

Элио. Чтобы отомстить за все мои страдания, за страдания моего отца... Чтобы превратит в кошмар те дни, которые тебе ещё осталось жить...

Эдда. Не надейся. Ничего у тебя не вышло. Едва ты выйдешь за дверь, я моментально забуду о тебе. И навсегда.

Элио. Не сможешь. От твоих фальшивых воспоминаний, которыми ты тешила себя все эти годы, не осталось и следа. Я растоптал их. Потому что я останусь в тебе. Потому что я и есть твоя реальность.

Эдда. Тебя не существует. И никогда не существовало. Ты никогда не родился. Я никогда тебя не знала. Пошёл вон! Уходи прочь!

Элио. Молодец! Отличная концовка!

Некоторое время смотрит на неё. Потом исчезает за аркой.

Эдда (оставшись одна, сжимает голову руками). Фока!.. Фока!.. Фока!!..

Не замечает, что Фока уже вошла, как только вышел Элио.

Фока. Вам что-то нужно, синьора?

Эдда (*не знает, что сказать*). Как себя чувствуют коты?..

Фока. Играют на террасе. Хотите, чтобы я принесла их сюда?

Эдда. Нет. Оставь там, где они есть. Мы купим других. Собак. Кошек. Они составят мне компанию. И ещё птиц. Но только самцов. Самцы поют. А самки дуры. Только и знают, что несут яйца.

Фока. Так распорядилась природа.

Эдда (*почти кричит*). Нет ничего хорошего в том, чтобы родиться самкой!! Понимаешь ли ты это или нет?!.. Дай мне сердечных капель.

Элио в плаще и шарфе появляется из-за арки. Его никто не видит. В руках у него свитер, который был на нем в предыдущей сцене.

Эдда (*вздвигнув, резко поворачивается*). Что это?

Элио (*бросает свитер ей на колени*). Частица моего тепла.

Эдда. Но это кашемир!..

Элио уходит, стукнув дверью.

(Сжимает в пальцах свитер, нюхает, проводит им по щекам). Ушёл. Мой сын ушёл... Ты не представляешь, как он заставил меня страдать. Я отдала все этому мальчику. Я была самой нежной, самой ласковой, самой любящей матерью на свете! И что я получила взамен? Злопамятность... неблагодарность... ненависть... Это самая жестокая кара... самая болезненная... самая глубокая... быть матерью... (*Увлекаясь*). Я помню, как он родился... помню его колыбель в голубых кружевах... и одеяло, декорированное сотней серебряных колокольчиков... с белоснежным покрывалом, отделанным горностаем... Ему не исполнилось и месяца, как его у меня хотели похитить... по приказу его отца, магараджи. Но я защищала его, как

тигрица... Я не должна была его потерять. Он мой, понимаешь? По ночам я не спала, если на него нападали кашель... я забросила балы, праздники, приёмы... чтобы проводить ночи возле него... Мой дом был завален игрушками... серебряные трубы... мячи... поезда... очаровательные пупсы... Я дала ему все, о чем ребёнок может только мечтать... Но он так и не полюбил меня... С самых ранних лет он смотрел на меня враждебно... в его огромных невинных глазах не было ни тени любви ко мне... (*Вздыхает*). А когда он вырос и узнал, что его отец, магараджа, был убит, он принял решение отомстить за него... и ушёл из дома... Десять дней назад, когда позвонили в дверь, я почувствовала, что схожу с ума от радости... Я сжала его в своих объятиях... вымыла его... одела... я вновь обрела своего мальчика!.. (*Разрыдалась*). И сразу поняла, что моё счастье будет длиться недолго... И он опять ушёл... теперь навсегда... Он опять отправился в Индию и никогда больше не вернётся ко мне... Я умру, так и не увидев его в свой последний час... Теперь я уже совсем одна, Фока... У меня никого, кроме тебя... Не оставляй меня, Фока...

Фока (*собирает с пола обрывки фотографий, с лёгким раздражением*). Успокойтесь, синьора... перестаньте!..

Эдда удивляет её раздражённый тон.

Я ни секунды не сомневалась, что он уйдёт.

Эдда. Не понимаю. Почему ты не сомневалась? Тебе что-то известно?

Фока. Синьор Элио мне все рассказал.

Эдда (*с ужасом*). Все?!.. Все что?..

Фока (*явно лукавя*). Все то, что рассказывали мне и вы, синьора.

Эдда, с перехваченным горлом, смотрит на неё недоверчиво.

Прошу вас, успокойтесь, синьора. Постарайтесь ни о чем не думать... Я позабочусь о вас... (*Берет флакон с сердечными каплями и, отвернувшись от Эдды, наливает в стакан большую дозу лекарства*).

Эдда (*не может понять, что на уме у Фоки*). Спасибо, Фока... Если ты не покинешь меня, ты не пожалеешь... Когда я умру, все мои драгоценности перейдут к тебе... Я напишу это в завещании...

Фока (*безразлично*). Вам лучше лечь, синьора. Давайте я вам помогу... (*Помогает ей лечь на диван*). Ложитесь поудобнее... (*Кладёт ей подушку под голову*). А что касается драгоценностей, они принадлежат вашей семье... вашему сыну... А мне они зачем? У меня одно желание – видеть вас спокойной, а не в таком состоянии, как сейчас...

Эдда (*смотрит на неё почти испуганно*). Но должна же я как-то отблагодарить тебя!..

Фока. Мы найдём способ решить эту проблему. Сейчас об этом не думайте... (*Протягивает ей стакан с лекарством*).

Эдда (*деловито*). И как мы её решим? Есть идея? (*Берет стакан*).

Фока. Для начала было неплохо нанять кого-нибудь, кто мог бы помогать мне по дому... Я буду меньше уставать... смогу проводить с вами больше времени... и по ночам тоже, когда вы не можете заснуть... Вы будете разговаривать со мной... рассказывать мне удивительные истории из вашей жизни... а я, слушая ваши рассказы, буду набираться опыта...

Эдда (*с удивлением, недоверчиво*). Ты серьёзно, Фока?.. Или шутишь?

Фока. Какие шутки, синьора? У вас теперь никого нет, кроме меня. И кроме меня вам рассчитывать не на кого.

Эдда (*внимательно глядя на Фоку*). А в чем твой расчёт? Что могу сделать для тебя я?

Фока. Если вам так уж хочется выразить мне свою признательность... за то небольшое, что я для вас делаю... запишите на моё имя... эту квартиру... Этим вы мне очень облегчите жизнь, когда вас уже не будет на свете... И не волнуйтесь, я обо всем позабочусь. Я сохраню все, что вам здесь дорого. Каждая вещь останется такой, какая была при вас. Ничего другого мне не надо. Только квартира. Запишите её за мной. А сейчас пейте свои капли.

Эдда (*понимая, что спасения нет*). Да, Фока, конечно... (*Выпивает лекарство, морщится и возвращает стакан Фоке*).

Фока. А теперь отдыхайте... И не думайте больше о неблагодарности вашего сына. Вообще ни о чем больше не думайте. (*Берет плед, накрывает Эдду, выключает настольную лампу*). Поспите немного...

Эдда (*бормочет*). Он так и не полюбил меня... весь в отца... Магараджа тоже не мог полюбить меня... его сердце принадлежало Индии...

Фока (*ложится рядом с ней*). Закрывайте глаза... Вот так... Вы даже не заметите, как уснёте... Сейчас вы уснете... И будете спать...

Занавес.

Конец

ЧИНОВНИК И ЖЕНЩИНА

Действующие лица

Чиновник

Женщина

В столичном городе. Наши дни

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Безликий кабинет в одном из министерств.

Входит ЧИНОВНИК. Замечает, что в его кресле сидит ЖЕНЩИНА.

Чиновник. Вы кто?! И что вы здесь делаете?

Женщина. Точно такой же вопрос я могу задать и вам.

Чиновник. И я вам отвечу: это мой кабинет.

Женщина. В таком случае, добро пожаловать.

Чиновник. Я не нуждаюсь в вашем приглашении. Объясните, что вы здесь делаете. Вы кого-то ищете?

Женщина. Нет.

Чиновник. Тогда что вам угодно?

Женщина. Раз я здесь, значит, у меня есть на то причина.

Чиновник. Какая, позвольте узнать? Учтите, это должна быть очень серьёзная причина. Иначе вам придётся немедленно покинуть мой кабинет.

Женщина. Не беспокойтесь. Моя причина очень серьёзна.

Чиновник. А именно?

Женщина. Крайняя нужда.

Чиновник. Простите, не понял?

Женщина. Крайняя нужда. У меня заболели ноги. Туфли жмут.

Чиновник. И что?

Женщина. Но вы же не станете отрицать, что эта причина достаточная, чтобы вынудить меня немного посидеть.

Чиновник. Но это не та причина, которая позволяет вам...

Женщина (*перебивая его*). Вы уверены?

Чиновник. Более чем. Подобная причина никак не предусмотрена...

Женщина. Не предусмотрена кем? Или чем?

Чиновник. Внутренними правилами.

Женщина. Чихать я хотела на ваши внутренние правила. Поэтому сижу и буду сидеть.

Чиновник. Посмотрим.

Женщина. Посмотрите.

Чиновник. А у кого вы спросили разрешения сесть в моё кресло?

Женщина. Ни у кого. У кого я должна была спрашивать? Пустой кабинет...

Чиновник. Как вы вошли?

Женщина. Через дверь, естественно. Не думаете же вы, что я вскарабкалась по стене и влезла в окно!

Чиновник. Не упражняйтесь в остроумии. Лучше объясните мне...

Женщина. Ничего я не собираюсь вам объяснять. И бессмысленно устраивать мне допрос с пристрастием. Или вы подозреваете меня в том, что я пришла в министерство украсть что-то? Если вы так думаете, может, вы сами из тех, кто ходит сюда воровать?

Чиновник (*шутит*). А если так?

Женщина. Неужто здесь осталось ещё что-то не украденное? Воровать там, где все разворовано, все равно, что носить воду решетом.

Чиновник. Это намёк на что?

Женщина. Это не намёк. Это констатация. Что вы на меня так смотрите?

Чиновник. Почему вы вошли именно в мой кабинет? Именно в эту комнату под номером 618?

Женщина. Потому что, проходя по коридору, я увидела открытую дверь, заглянула, комната была пуста, стояло удобное кресло, и я подумала, почему бы мне не воспользоваться этим креслом, чтобы ноги отдохнули.

Чиновник. Ну, хорошо, отдохнули. Теперь в добрый путь.

Женщина. Даже и не подумую.

Чиновник. Послушайте! Если вы немедленно не удалитесь, я вызову охрану и прикажу вышвырнуть вас вон из кабинета.

Женщина. Неужели джентльмен вашего типа может приказать кому-то вышвырнуть вон женщину?

Чиновник. Посторонним запрещено находиться в кабинетах министерства!

Женщина. Запрещено кем?

Чиновник. Я уже сказал: внутренними правилами.

Женщина. У вас что, правда, существуют такие варварские правила, которые запрещают женщине с большими ногами посидеть в кресле?!

Чиновник. Они запрещают находиться в кабинетах лицам, не являющимся сотрудниками министерства.

Женщина. Почему?

Чиновник. Потому что кабинеты служат исключительно для работы сотрудников министерства.

Женщина. Так работайте! Что вы бездельничаете? Работайте! Перестаньте терять время на бессмысленную болтовню и приступайте к работе.

Чиновник. Но я не могу работать в такой обстановке!

Женщина. А чем она вас не устраивает?

Чиновник. Потому что я не могу сконцентрироваться. Мне мешает присутствие постороннего человека.

Женщина. Это свидетельствует о том, что вы неврастеник.

Чиновник. Нет, ошибаетесь. Никакой я не неврастеник. Совсем наоборот. Уверяю вас, что я...

Женщина. И прекрасно, что вы хотите доказать мне, что вы не неврастеник. Принимайтесь за работу. Если у вас в порядке с нервами, все прекрасно получится. Не обращайтесь на меня внимания. Я посижу тихо, беспокоить вас не буду.

Чиновник. Я начну работать, как только вы отсюда уйдёте.

Женщина. Вы знаете, я слушаю вас и все больше убеждаюсь, что то, о чем судачат люди, – абсолютная правда.

Чиновник. Что вы имеете в виду?

Женщина. Что все чиновники, а особенно служащие министерств, хватаются за любой повод, лишь бы не работать. На самом деле, я их понимаю. В конце концов, торчать целыми днями в служебном кабинете, наверняка, не менее утомительно, чем стоять у сборочного конвейера. Или я ошибаюсь?

Чиновник. Ошибаетесь. Между министерским кабинетом и сборочным конвейером огромная разница. Знаете, что? Не надо втягивать меня в дурацкую дискуссию. Вы теряете своё время и заставляете меня терять моё. Уходите, пожалуйста. Уходите немедленно!.. Почему вы не уходите?

Женщина. Потому что я прекрасно себя чувствую здесь, где я есть. Согласна, эта комната не слишком удобна для работы, но она идеальна для отдыха. Она такая банальная... Тут нет ничего, что могло бы зацепить внимание... Прекрасная обстановка для отдыха, и для размышлений. Вы практикуете размышления в вашем кабинете?

Чиновник. В кабинете? Никогда!

Женщина. Почему?

Чиновник. Потому что в кабинете я работаю!

Женщина. Работаете, не размышляя?! Представляю себе результат этой работы.

Чиновник. Я запрещаю вам оценивать мою работу и требую, чтобы вы немедленно покинули мой кабинет!

Женщина. Немедленно не могу.

Чиновник. Вы что себе вообразили?! Вы где находитесь?! У себя дома?

Женщина. Нет, не у себя. Но и не у вас.

Чиновник. Согласен. Это не мой дом. Но это мой кабинет!

Женщина. Это всего-навсего комната, которую предоставили для работы вам. А могли отдать любому другому.

Чиновник. Однако она предоставлена мне. Нужны доказательства? Смотрите, на этой визитной карточке моя фамилия и номер кабинета, видите, 618... Это мой письменный стол. На нем корреспонденция на моё имя. На папках моя фамилия...

Женщина. Замечательно. Если все так – располагайтесь. А я пересяду в другое кресло.

Встаёт, чтобы пересесть.

Чиновник. Нет-нет-нет! Не пересаживайтесь, а уходите. Я должен работать.

Женщина пересаживается в другое кресло.

Чиновник спешит занять своё. Спотыкается об оставленную женщиной сумку, поднимает её и кладёт на стол.

Женщина. И в чем состоит ваша работа?

Чиновник. Я должностное лицо.

Женщина. Должностное лицо?

Чиновник. Да. Государственный служащий.

Женщина. Государственный служащий, который никак не может приступить к своей службе. Кстати, в чем она заключается? Мешать государству нормально функционировать?.. Не делайте такую физиономию, я пошутила.

Чиновник. Я держу себя в руках исключительно потому, что вы женщина.

Женщина. За это отдельное спасибо. Скажите, а сколько в этом здании таких служащих, как вы?

Чиновник. Точно не знаю. Но достаточно.

Женщина. Достаточно людей, которые мешают государству функционировать – интересно. Представляю, как хорошо вам за это платят.

Чиновник. Да, платят – это логично. А насчёт того, что хорошо платят – тут я бы поспорил.

Женщина. Получаете вдвое больше заслуженного и ещё плачетесь?

Чиновник. Что значит вдвое больше?

Женщина. Ладно бы вам платили за то, что вы сделали, но вам же ещё платят за то, что вы не делаете, хотя обязаны делать. Смешно.

Чиновник. Не вижу ничего смешного. Вы упрекаете нас в том, что мы, зря получаем зарплату?

Женщина. Да не кипятитесь вы так. Я хотела только сказать, что вы и так работаете в комфортабельных условиях... просторные кабинеты... кресла из натуральной кожи... мягкие подушки... Если не ошибаюсь, есть ещё и кондиционер?

Чиновник. Не ошибаетесь, есть и кондиционер.

Женщина. И на то, чтобы обеспечить комфортабельные условия для служащих, которые мешают государству работать, тратятся огромные государственные средства! Ковры, шторы, внутренняя связь, телефоны, пишущие машинки, компьютеры...

Чиновник. Но все это необходимо для того, чтобы каждый из нас мог бы эффективно выполнять свои функции...

Женщина (*смеётся*). ...мешая государству эффективно выполнять свои функции!

Чиновник. Все! Хватит! Убирайтесь отсюда!

Женщина. Не кричите. Я сама решу, когда мне убраться.

Чиновник. Сколько мне вам говорить, что посторонним запрещено...

Женщина. Я уверена, есть много чего, что запрещено вашими внутренними правилами, но кто-нибудь обращает на это внимание? Скажем, не использует служебный телефон для личных разговоров? Не даёт взятку вахтерам или курьерам за оказание личных услуг... сходить за пивом или чем-то покрепче... Не придумывает повода сбежать пораньше с работы или опоздать на неё? Разве не так?

Чиновник. Ко мне все это не имеет отношения. Я...

Женщина. А разве я вас лично в чем-то упрекаю? Люди всегда получали наибольшее удовольствие, делая то, что запрещается. Вам известно, что сегодня, когда у сексуальной свободы нет границ, молодёжь занимается сексом гораздо меньше, чем тогда, когда свободный секс был под запретом. Я полагаю, вы тоже... в этом смысле...

Чиновник. Прекратите! Я запрещаю вам обсуждать мою сексуальную жизнь!

Женщина. Я и не собираюсь ничего обсуждать. Мне многое и так известно, мой дорогой. О вас тоже. Но не волнуйтесь. Я никому ничего не скажу. Так что можете быть со мной абсолютно откровенным.

Чиновник. Вы что, с ума сошли?! Откровенничать с человеком, которого я совсем не знаю! Уходите, прошу вас. Ну почему именно в моем кабинете должна была появиться такая, как вы!

Женщина. Выбор был случаен. Но с этим уже ничего не поделаешь. Он окончателен.

Чиновник. В каком смысле?

Женщина. В том, что я уже не могу уйти отсюда.

Чиновник. Почему?

Женщина. Я жду звонка.

Чиновник. Сюда?!

Женщина. А куда же, по-вашему?

Чиновник. В любое другое место.

Женщина. Слишком поздно. Я дала номер вашего телефона.

Чиновник. Какая наглость! Вы не имели права делать это!

Женщина. Но раз уж я оказалась в вашем кабинете, то, какой, по-вашему, другой номер я могла дать, чтобы мне позвонили? Я жду важного телефонного звонка. Очень важного. Между прочем, он важен не только для меня, он отчасти касается всех.

Чиновник. Не думаю, что он касается меня.

Женщина. Нет-нет, вас тоже.

Чиновник. Этого не может быть! Что это за важный звонок?

Женщина. Вы, правда, хотите знать?

Чиновник. Согласитесь, что после того, как вы по-хозяйски расположились в моем кабинете и распорядились моим телефоном... я имею на это полное право.

Женщина. Мне жаль, но вы ошибаетесь. У вас нет такого права. Если я захочу проинформировать вас о чем-то, я могу это сделать. Могу, но не обязана.

Чиновник. Не будь вы женщиной, я бы давно собственноручно вышвырнул вас отсюда.

Женщина. Осторожнее со словами, мой дорогой. А вы не думаете, что это я могу вышвырнуть вас отсюда? Не только из кабинета, но вообще из министерства!

Чиновник. Вряд ли это в ваших силах, моя дорогая. Я здесь не по протекции и не потому, что принадлежу к политической партии. Я попал сюда, поскольку выиграл конкурс. Поэтому я здесь. И здесь останусь.

Женщина. Пожизненно?

Чиновник. Точно. Пожизненно.

Женщина. Рада за вас.

Женщина. Единственный, кто может меня уволить, это министр. Но я абсолютно уверен, что он этого не сделает.

Женщина. Вы полагаете, что министру, при всем том, что происходит сейчас, есть дело до такого мелкого чиновника, как вы?

Чиновник. Я вовсе не мелкий чиновник.

Женщина. Говоря мелкий, я не имею в виду ваш рост.

Чиновник. Я чиновник пятого ранга!

Женщина. Вот именно. Не очень высокий ранг. В противном случае вы были бы осведомлены о том, что происходит в данный момент в стране и не тратили бы силы, чтобы выпроводить меня из своего кабинета.

Чиновник. А в чем дело? Что происходит в стране?

Женщина. Вы что, действительно, не в курсе? Совсем?

Чиновник. Я, действительно, не в курсе. Совсем.

Женщина. Невероятно. Я полагала, что в каком-то объеме вас все-таки проинформировали. Больше того, я думала, что ваше упорное желание удалить меня отсюда, объясняется страхом, возникшим у вас как результат осмысления полученной информации.

Чиновник. Так что же, черт побери, происходит?

Женщина. Теперь понятно, почему вы вели себя со мной так по-хамски. Вы ничего не знаете. Словно вы с луны свалились.

Чиновник. Вы не могли бы хотя бы намекнуть, о чем речь?

Женщина. Включите воображение. Ну же! Постарайтесь представить, что может случиться.

Чиновник. Здесь? В министерстве или за его пределами?

Женщина. За его пределами, естественно, но с неизбежными болезненными последствиями в его стенах.

Чиновник. В каком смысле?

Женщина. Во всех.

Чиновник. Ничего не понимаю. Что может случиться за пределами министерства, чтобы это болезненно аукнулось в министерстве? Все как-то запутано... не понимаю!

Женщина. Успокойтесь, мой дорогой. Успокойтесь и поразмыслите на холодную голову. Яснее я не могу выразиться. Не имею права.

Чиновник. Вы, по крайней мере, могли бы намекнуть!

Женщина. Повторяю: за пределами, но с последствиями здесь. Нечто, в чем все, в определенном смысле, заинтересованы... что может резко изменить ситуацию... До вас дошло?

Чиновник. Нет.

Женщина. В таком случае, простите, но вы плохо соображаете. Если вы не понимаете, тем хуже для вас.

Чиновник. Поясните хотя бы суть происходящего... Я государственный чиновник. И как чиновник имею право знать.

Женщина. Что, например?

Чиновник. Это опасно?

Женщина. В такой ситуации, как эта, непременно таится опасность. Но будем надеяться, что все закончится хорошо. Без ущерба для жителей города, я хочу сказать.

Чиновник. То есть вы намекаете, что это событие, которое может нарушить...

Женщина. Я бы сказала: потрясти.

Чиновник. Это... подрывное движение?..

Женщина. Кое-что посерьёзнее.

Чиновник. Не хотите же вы сказать, что это что-то... революционное...

Женщина. Тепло.

Чиновник. Революционная акция?

Женщина. Тепло-тепло. Почти угадали. Ну, ещё одна попытка...

Чиновник. Уж не имеете ли вы в виду... государственный переворот?!

Женщина. На этот раз горячо. Bravo! Этот термин кажется мне наиболее подходящим.

Чиновник. Стало быть, покушение на нашу демократию?..

Женщина. Демократия, именно потому, что она демократия, всегда подвержена опасности покушения на неё. Но если это настоящая демократия, она найдёт способ защитить себя.

Чиновник. Что вы хотите этим сказать?

Женщина. Что вот мы и посмотрим, настоящая наша демократия или нет.

Чиновник. У меня нет никаких сомнений.

Женщина. В чем?

Чиновник. Что настоящая.

Женщина. Вы так уверены?

Чиновник. Да... то есть... я думаю, что да... короче говоря, мне так кажется... Но точно я не знаю, такая она или нет...

Женщина. А что такое, по-вашему, демократическая страна?

Чиновник. Это трудно объяснить в двух словах.

Женщина. А вы попробуйте.

Чиновник. Это такая страна, в которой есть свобода.

Женщина. И вы на самом деле чувствуете себя здесь свободным? Как гражданин. Как человек. Как чиновник...

Чиновник. Ну... не знаю... зависит...

Женщина. От чего? Скажем, вы можете свободно говорить то, что думаете?

Чиновник. Здесь? В этих стенах?

Женщина. Ну да. Хотя бы в этих стенах. Можете выразить своё мнение? Можете свободно критиковать своих начальников?

Чиновник. Критиковать моих начальников? А почему я должен их критиковать?

Женщина. Мало ли, почему. Например, почувствуете необходимость.

Чиновник. С какой стати? Не говоря уже о том, что это было бы неблагоприятно.

Женщина. А, неблагоприятно...

Чиновник. Да, неблагоприятно. Конечно, если есть большое желание нарваться на неприятности...

Женщина. В таком случае, мой дорогой, перестаньте рассказывать сказки про свободу, про то, что мы живём в свободной стране, если вы на своём рабочем месте не можете ни открыто высказать собственное мнение, ни покритиковать начальство. Как вы реагируете, когда видите, что кто-то даёт взятку, или вымогает её, когда тратят на личные нужды государственные деньги или играют ими на бирже? Возмущаетесь? Или молчите в тряпочку? Дрожа от страха, смиряетесь с несправедливостью и приспосабливаетесь к бесчестию как последний негодяй?

Чиновник. Но у нас здесь никто не ворует... не берет взятку... не использует положение в личных интересах...

Женщина. И вы готовы поклясться в этом, дав руку на отсечение?

Чиновник. Конечно!

Женщина. Это, действительно, так?

Чиновник. По крайней мере... я так думаю... На самом деле... я не знаю... Правда, не знаю... Как я могу поклясться, дав руку на отсечение, если, может быть, существует что-то, чего я не знаю... И вообще... меня мало интересует то, что делают другие...

Женщина. Неужели? Неужели, будь вы в курсе противозаконного поступка вашего коллеги, вы не заявили бы об этом? Если нет, тогда вы автоматически становитесь его пособником.

Чиновник. Я?!

Женщина. Вы, вы. И в этих обстоятельствах, знаете, что с вами случилось бы, начнись расследование этого преступления?

Чиновник. Расследование? В нашем министерстве?!

Женщина. А почему нет? При настоящей демократии предусмотрена возможность расследования противозаконных деяний чиновников государственной администрации. Им повезло, что в нашей весёлой стране стараются побыстрее засыпать песочком любой скандал, и чем громче скандал, тем больше песка насыпают сверху. Так что скоро у нас, с нашими бесконечными пляжами, уже и песка не останется.

Чиновник. Хорошо. Играем открытыми картами. Вы здесь с определённой целью, так? Но учтите, если вы намерены что-либо выпытать у меня, лучше не старайтесь. Я нем, как могила, и ничего вам не скажу. Я умолкаю. И даже на следствии, если оно вдруг начнётся, я не открою рта.

Женщина. Я должна понимать ваше заявление, как то, что вам есть, что скрывать?

Чиновник. Мне? И что же, по-вашему, есть такого, что я должен скрывать?

Женщина. То, о чем вы не хотите рассказать. Когда кто-то заявляет, что он умолкает, потому что не хочет говорить, это значит, что ему есть, что сказать, но...

Чиновник. То есть вы уверены, что если начнётся следствие, я должен буду рассказать...

Женщина. Тому, у кого совесть чиста, нечего бояться.

Чиновник. Вот мне и нечего бояться.

Женщина. Даже государства? А вы когда-нибудь задумывались, что такое в реальности государство? Государство – это репрессивная сила в руках господствующего класса, которой он пользуются для управления угнетёнными классами для того, чтобы держать их в ежовых рукавицах. Вы не согласны?

Чиновник. Я об этом никогда не задумывался.

Женщина. А чему, на ваш взгляд, чему служит силы общественного порядка?

Чиновник. Странный вопрос. Это всем известно: гарантировать порядок.

Женщина. А кому на руку такой порядок? Разве не управляющему классу, который пользуется им, чтобы подавлять других?.. Что вы смотрите на меня с таким изумлением? Для вас это открытие? Или вы считаете себя принадлежащим к классу угнетателей? Зря. Я сказала бы, что вы скорее в числе угнетённых. Или я ошибаюсь?

Чиновник. Нет. Все так. Вы не ошибаетесь.

Женщина. И поскольку вы относитесь к классу угнетённых, вы должны были бы интересоваться классовой борьбой, цель которой – построение бесклассового общества. А если больше не будет классов, стало быть, не нужно и государство, а значит и сил общественного порядка для его защиты. Вам ясно?

Чиновник. Ещё бы! Нет классов – ни к чему государство. И тем более, сил общественного порядка, задача которых защищать государство.

Женщина. Значит, вы согласны?

Чиновник. Естественно, я согласен.

Женщина. То есть вы согласны с этой идеей?

Чиновник. Ну да!

Женщина. В таком случае вы экстремист!

Чиновник. Нет, вы что?.. Я просто размышляю вслух!

Женщина. Я не поняла. Так вы согласны с необходимостью уничтожения классов и отмены государства или нет?

Чиновник. Подождите... подождите... вы мне совсем голову заморочили... у меня все смешалось... я уже толком не могу ничего понять... а уж чтобы ясно сформулировать какую-нибудь мысль... мысли все разбежались... Все-таки, почему среди стольких кабинетов вы выбрали мой?

Женщина. Вы, правда, хотите знать это?

Чиновник. Разумеется!

Женщина. Повторяю. Потому что здесь никого не было. И предбанник был пуст. Где ваша секретарша?

Чиновник. Она просила отпустить её на сегодня. У неё свадьба. Брат женится.

Женщина. Её брат выбрал неудачный день для свадьбы. Свадьба – тоже своего рода переворот, но лучше бы уж ему жениться завтра... Короче говоря, я выбрала ваш кабинет, надеясь, что тут меня никто не побеспокоит, и я смогу спокойно поговорить по телефону. Поскольку сообщение, которое я жду, строго конфиденциально.

Чиновник. Значит, вы сидите в моем кресле не потому, что у вас заболели ноги?

Женщина. Вы сообразительный молодой человек. Когда я говорила вам другое, я ошибалась... А в чем дело? Почему вы так занервничали? Что-то случилось?

Чиновник. Ничего... не обращайтесь внимания... я абсолютно спокоен...

Женщина. Не лгите. Почему тогда вы так нервно барабаните пальцами по столу? С вами такое часто бывает? Или это внезапный нервный тик?

Чиновник. Нет, со мной такого никогда... то есть иногда... Я, правда, что-то нервничаю!..

Женщина. Хотите таблетку успокоительного?

Чиновник. Спасибо. Я никогда его не употребляю. Никогда.

Женщина. И напрасно. Психотропные препараты помогают справиться с жизненными трудностями. Когда-то, чтобы успокоить нервы, было достаточно отвара ромашки, но в наши безумные дни ромашка уже не помогает.

Чиновник. Вы ждёте звонка с сообщением о результатах... переворота?..

Женщина. А почему вы спрашиваете? Рассчитываете оказаться в числе победителей?

Чиновник. Боюсь, что в числе жертв... Речь идёт о выступлении правых? Или левых?

Женщина. А вы что бы предпочли?

Чиновник. Не знаю. Не могу сказать.

Женщина. Неужели вам все равно? У вас что, нет политических предпочтений?

Чиновник. У меня их, действительно, нет.

Женщина. Это невозможно. Как же так? Жить, не имея политических убеждений!

Чиновник. Государственный чиновник не должен их иметь. Как и военный.

Женщина. Но это абсурд! Это что же, войдя в казарму, нужно сдать в каптёрку вместе с гражданской одеждой собственные убеждения? А потом вновь забрать их оттуда, как только закончена военная служба? А чиновник может заиметь политические убеждения только по выходе на пенсию? То есть, когда он уже старый и не знает, что ему с этими убеждениями делать? Бред какой-то!

Чиновник. У меня никогда не было политических предпочтений. Я всегда был нейтрален. Агностик, одним словом.

Женщина. Нашли, чем бравировать! Лично я терпеть не могу агностиков.

Чиновник. Почему? Что плохого они вам сделали?

Женщина. Ничего. Они мне просто антипатичны. Если бы я стояла во главе партии, пришедшей к власти, я бы их всех приказала расстрелять. Поставила бы к стенке рядком и – па-па-па-па-па!

Чиновник. Но за что?! Агностики никому не приносят вреда!

Женщина. Тот, у кого есть или были идеалы, может поменять их на прямо противоположные. Такое случается. Это по-людски. Но тот, у кого их никогда не было, никогда их и не приобретёт. Поэтому я считаю, лучше иметь перед собой яркого противника, чем агностика. Их заклеил даже Данте.

Чиновник. Кто заклеил?

Женщина. Данте Алигьери, поэт. Он поместил их в ад. В компанию к чертям. Что вы про это думаете?

Чиновник. Про что? Про Данте?

Женщина. Про ад. Про чертей. Они вновь входят в моду. Кажется, что в высших кругах решено снова выбросить их на рынок. Я, было, подумала, что они так и останутся в средних веках, но, кажется, ошиблась. Так или иначе, вам лучше об этом не думать. Потому что, если ад существует, вы отправитесь напрямик туда.

Чиновник. Я?! За что?

Женщина. За то, что вы агностик.

Чиновник. Послушайте, почему вы так сильно ненавидите агностиков?

Женщина. Потому что они грязные конформисты, готовые на любые компромиссы. А жизнь требует определённости позиции. Это как в случае с рекой: можно стоять на одном берегу, можно – на другом, но нельзя посередине – снесёт течением. Все-таки странно, что столь продвинутый молодой человек, и не имеет политических убеждений.

Чиновник. Я... я за демократию!

Женщина. Мы все за неё, мой дорогой. Колонны приверженцев противоположных политических взглядов строим и идут к светлому будущему, распевая гимны демократии. Колонна пролетариев, например. А рядом – колонна капиталистов. К какой из двух вы бы примкнули?

Чиновник. К той, которая защищает свободу.

Женщина. Все демократии, являются ли они таковыми на самом деле или нет, защищают свободу. Свобода – наиболее часто употребляемое в мире слово. Наравне со словом любовь. Человечество чаще всего поминает все то, чего не имеет. И чего, скорее всего, не имеет шанса занять. В действительности, на свете не существует ни свободы, ни любви. Была бы любовь – была бы свобода. И наоборот. Согласны?

Чиновник. Вы, наверное, правы. Но как бы то ни было...

Женщина. Но, как бы то ни было, вы считаете себя демократом. Да? Но вели вы себя совсем не по-демократически, когда, всего полчаса назад, кричали, чтобы я убиралась из вашего кабинета!

Чиновник. Я же объяснял вам, что таковы внутренние правила!

Женщина. Не прикрывайтесь бюрократическими правилами, запрещающими женщине, у которой жмут туфли, сесть в кресло и снять их.

Чиновник. Я же не мог себе представить, что такая... м-м-м... светская дама, как вы, может оказаться здесь с серьёзной миссией.

Женщина. Почему? По-вашему, светские дамы не способны ни на что серьёзное? Да вы, голубчик, к тому же, гендерный расист!

Чиновник. Нет-нет, ни в коем случае!.. Простите, мне не удаётся точно выразить свои мысли... я путаюсь... потому что я очень взволнован тем, что вы мне рассказали... Это все весьма и весьма тревожно... Потому что... если реально случится государственный переворот, страшно не хотелось бы испытать на себе его последствий...

Женщина. А выто при чем?

Чиновник. Во время землетрясений зачастую падают здания, находящиеся далеко от эпицентра. Падают просто так, за компанию. Понимаете? Прошу вас... прошу, помогите мне... я в ваших руках...

Женщина. Не знаю, что бы я могла сделать для вас. Я оказалась в этом здании по чистой случайности...

Чиновник. Никто не оказывается в министерстве по чистой случайности.

Женщина. А я вот оказалась. Было прекрасное солнечное утро. Я вышла из дома, чтобы прогуляться по парку. Парк – это фигура речи, поскольку от парка почти ничего не осталось. Есть немного зелени, хотя неизвестно, сколько ей ещё жить. Эта прогулка среди жалких кустиков и плешивых полянок принесла мне одно раздражение. Кроме всего прочего, туфли были слишком узки, и у меня разболелись ноги. Я стала искать глазами скамейку, на которой можно было бы посидеть. Когда-то они там имелись. Теперь – ни одной. В поле моего зрения попало большое здание с огромными стёклами, и я решила войти в него.

Чиновник. Эту вашу легенду про заболевшие ноги... или как это у вас называется... я уже слышал. И что, никто из вахтеров ни о чем не спросил вас?

Женщина. Вероятно, я вызываю такое доверие, что вряд ли у кого-то могли возникнуть дурные мысли на мой счёт.

Чиновник. Может быть, они приняли вас за мать какого-нибудь служащего...

Женщина. Может быть. Это замечательно, что мы живём в стране, где искренне уважают семью и семейные отношения. В самом деле, у кого хватит наглости перекрыть дорогу чьей-то маме? Был самый разгар утра... вестибюль полон чиновников, симулирующих спешку... все в пиджаках и галстуках... решительный шаг... сосредоточенный взгляд... печальное лицо... Вы знаете, отчего у чиновников печальные физиономии?

Чиновник. У меня тоже?

Женщина. У всех. За редким исключением. Когда-то, в давние времена, рыцари поддевали под доспехи одежду из грубого полотна, а сегодня чиновники поддевают под свои шерстяные костюмы детские комбинезончики. Для похудения. Вот почему они постоянно потеют, и у них такие печальные физиономии.

Чиновник. Почему вы не выпускаете из рук вашу сумку? Поставьте её куда-нибудь. На пол. На стол. У вас что там, бомба, что ли?

Женщина. Что это вам пришло в голову? Успокойтесь, вы так перепуганы. С чего это вам вдруг бомба пригрезилась?

Чиновник. В такие минуты, как эта, простите, но от любого можно ждать чего угодно. И что толку храбриться – надо быть все время настороже. В некоторых кварталах даже уже дети ходят вооружёнными.

Женщина. Перестаньте трястись, голубчик. Я женщина, не способная обидеть даже муху. Ну что, успокоились?

Чиновник. Мне хотелось бы знать подробности...

Женщина. Какие подробности?

Чиновник. Ну этого... государственного переворота...

Женщина. Сначала скажите мне, на чьей вы стороне. Чего уж скрывать-то! Кому вы симпатизируете? Левым или правым? Потому что, если вы не на нашей стороне, значит, вы, безусловно, на другой. И тогда для меня небезопасно откровенничать с вами.

Чиновник. Повторяю, я никогда не занимался политикой.

Женщина. А я повторяю, что это очень плохо.

Чиновник. Я живу исключительно ради моей семьи и моего дома.

Женщина. Вы женаты?

Чиновник. Да. Моя жена – скромная простая женщина, без всяких тараканов в голове. У нас трое детишек. Мы их обожаем. Когда я возвращаюсь с работы, они ждут меня. Тут же

запрыгивают ко мне на колени или просят поиграть вместе в войну. Очень умненькие. Знают наизусть все рекламные слоганы, которые показывают по телевизору, все марки рекламируемых товаров. А моя жена знает все о поп-звездах. Обо всех их похождениях, даже самых интимных. Я живу на окраине города, в квартире, за которую, слава Богу, полностью расплатился, две спальни, гостиная, кухня и только одна ванная. Правда, оснащённая всем необходимым. У меня малолитражный автомобиль, купил по случаю, со скидкой. Мы живём обыкновенной уединённой жизнью, никогда в рестораны, редко в кино, ни разу не были в театре или в концертном зале. Не принимали участия ни в одном митинге. Кто я, по вашей классификации?

Женщина. Вы мелкий буржуа.

Чиновник. Да, но почти пролетарий. Сегодня так живут многие пролетарии.

Женщина. Сегодня почти все пролетарии – мелкие буржуа. Ничего их не волнует. Будущее принадлежит люмпен-пролетариату... С какой стати вы так подробно рассказали мне о себе?

Чиновник. Чтобы вам стало понятно, что я живу очень скромно, рассчитываю только на свою зарплату.

Женщина. Да неужели?

Чиновник. Я не ворую, не беру взяток, не занимаюсь махинациями. Я надёжный, честный и ответственный работник.

Женщина. А как вы объясните то, что прошёл уже целый час, а вы ещё не начали работать?

Чиновник. Как объясню? Да ваше присутствие выбило меня из колеи! Обычно, едва я вхожу, тотчас сажусь за письменный стол и уже не разгибаю спины до звонка об окончании рабочего дня.

Женщина. Но не потому, что вы работаете.

Чиновник. Что вы хотите этим сказать?

Женщина. То, что вы целый день сидите за своим письменным столом, вовсе не означает, что вы работаете. Вы убиваете время, листая порнографические журналы. О чем свидетельствуют ящики вашего стола, забитые этими журналами.

Чиновник. Я?! Неправда! Как вы осмеливаетесь говорить подобное!.. Это клевета!.. И потом, откуда вам это известно?..

Женщина. Вы же не будете отрицать, мой дорогой, что в ящиках вашего стола полно журналов с фотографиями голых баб. Одних или в отвратительных сложных позах с мужчинами.

Чиновник. Не таких уж и сложных, как кажется на первый взгляд... *(Спохватившись)*. Вообще это все не моё!..

Женщина. А почему они оказались в вашем столе?

Чиновник. Потому что один коллега попросил меня подержать их. Он не может хранить их дома, поскольку живёт в неподходящих для этого условиях. Его жена – монахиня и, к тому же, ближайшая родственница епископа.

Женщина. Только не говорите мне, что, храня эту дрянь у себя, вы ни разу не сунули туда свой нос.

Чиновник. Как я могу знать, что лежит в моих ящиках, если они заперты на ключ? Как я могу их открыть?

Женщина. Как? Без проблем. Они открываются простой скрепкой. Должна признаться, на меня произвело угнетающее впечатление наличие в письменном столе министерского служащего фотографий женщин в качестве объекта гнусной сексуальной эксплуатации. Не понимаю, как с виду нормальный мужчина, явно живущий регулярной половой жизнью, счастливо женатый, может прибежать к...

Чиновник. Простите, но вы ошибаетесь. Я ни к чему не прибегаю. Я совсем не нуждаюсь в эротических фото для стимуляции того, что могу и обязан делать как мужчина, как муж. Если вы воображаете, что я...

Женщина. Стоп. Мне не нужны подробности.

Чиновник. Я только хотел, чтобы вы знали, что я и без этого настолько темпераментен, что...

Женщина. Если так, поздравляю вас и вашу жену.

Чиновник. А вот мой коллега, которому принадлежат эти журналы, не может сказать о себе подобное. Он как мужчина страдает всеми возможными комплексами... ну, вы понимаете...

Женщина. Я уже сказала, детали меня не интересуют. И я вовсе не собиралась упрекать вас в чем-то. Вы вправе делать все, что вам заблагорассудится, я не желаю вторгаться в сферу чьих-либо сексуальных отношений. Я заговорила об этом лишь потому, что получила ещё одно наглядное свидетельство того, о чем говорят все кругом.

Чиновник. О что же говорят все кругом?

Женщина. О том, что чиновники правительственных учреждений не слишком утруждают себя работой. Разве это не так?

Чиновник. Я хотел бы возразить...

Женщина. Не стоит. Ни для кого не секрет, что они проводят рабочее время в безделье и постоянной болтовне... о чем угодно... о сексе... о спорте...

Чиновник. Только не о спорте!

Женщина. Почему не о спорте?

Чиновник. Терпеть не могу спорт!

Женщина. Понимаю. Как человек неспортивный, вы предпочитаете разговоры о сексе.

Чиновник. Не только. Есть немало того, чем ещё можно заняться.

Женщина. Например, анекдоты, да? Я слышала, что министерские чиновники знают тысячи анекдотов. И чем пикантнее и грязнее, тем лучше. А в результате все кончается приставанием к секретаршам...

Чиновник. Ну, уж это точно преувеличение!

Женщина. Доходит до того, что они нападают на бедных девушек по пути в туалет.

Чиновник. Нет, это недоразумение... Да, однажды я бежал за своей секретаршей почти до самого... в общем, до него... но исключительно с целью сказать ей...

Женщина. Мне неинтересно, с какой целью вы за ней бежали. Я сказала это... Ну сказала и сказала. Просто меня раздражают государственные чиновники, которые сидят на шее у налогоплательщика и ни черта не делают, на работу являются с опозданием, сбегают до окончания рабочего дня, устраивают пьянки по любому поводу... Понятно, почему того, кто любит работу, не загонишь в министерские служащие...

Чиновник. Я попал сюда случайно. Я мог бы быть полезен на любом месте. Но я выиграл конкурс и...

Женщина. Какой конкурс?

Чиновник. Конкурс на место чиновника государственного администрирования.

Женщина. Понятно. На место, где можно ничего не делать. И давно вы здесь?

Чиновник. Тринадцать лет.

Женщина. Вы не суеверны?

Чиновник. Нет. Почему вы спросили?

Женщина. Кому-то число тринадцать приносит беду, а кому-то благо... Значит, вы здесь тринадцать лет...

Чиновник. Да. И все это время я был примерным работником. Ни одного дела, не сданного в срок, ни одного письма без ответа, ни одного прогула без уважительной причины. Я

ни разу не выдавал себя за больного, если не был болен на самом деле. Я хороший чиновник. Я отличный чиновник. Я лучший чиновник в этом министерстве. И если я не сделал достойной меня карьеры, то виной всему – зависть моих коллег... А сейчас, когда вам все обо мне известно, объясните своим влиятельным друзьям... дайте им знать, что они могут полностью доверять мне и поручать самые деликатные задания. Подчеркните, пожалуйста, что я не просто надёжный человек, но и знаток всех явных и тайных механизмов государственного администрирования.

Женщина. Вы преувеличиваете мои возможности.

Чиновник. Насколько я мог понять, вы занимаете довольно высокое положение, раз эти люди считают своим долгом незамедлительно информировать вас по телефону о ходе операции...

Женщина. Все дело в детской дружбе. Я каталась с ними на карусели. И кто бы мог тогда подумать, что эти мальчишки, таскавшие меня за косички, станут большими политиками! Хорошо, голубчик, я приму все к сведению. И что вы прекрасный работник, и что не сделали карьеру из-за зависти коллег... Видимо, кто-то имеет на вас большой зуб...

Чиновник. Ну да!

Женщина. Кто?

Чиновник. Нет-нет, я не могу назвать имён! И прошу вас, не настаивайте... Да, я понимаю, вы имеете право знать эти имена, но я должен быть осторожным и сдержанным. Зачем вам их имена? Простите, я не могу...

Женщина. Ничего страшного, голубчик.

Чиновник. Я знаю, что обижаю вас этим... но... все-таки я ещё недостаточно вам доверяю...

Женщина. Да нет, я не обиделась, но...

Чиновник. Но если вы будете настаивать... если будете давить на меня... тогда я назову. Меня ненавидит доктор Алазардо. Я не знаю, по какой причине. Клянусь вам, я не сделал ему ничего плохого! Я даже не распускал сплетни в его адрес, хотя прекрасно знаю, что он сделал карьеру, потому что его жена регулярно спит с заместителем генерального директора. Только поэтому он уже получил третий ранг. Будучи моложе меня. Эх, моя дорогая, если бы вы знали, сколько гадостей творится в этих стенах! Непорядочность! Коррупция! Давно пора кардинально почистить эти авгиевы конюшни! Выгнать к чёртовой матери кучу дармоедов, попавших в министерство благодаря мохнатой руке политиков из правящей партии! И воздать по заслугам честным квалифицированным служащим!

Женщина. И много тут таких?

Чиновник. Кого?

Женщина. Честных и квалифицированных.

Чиновник. Не много. Но есть. Я, к примеру.

Женщина. Стало быть, мне очень повезло оказаться именно в вашем кабинете.

Чиновник. Я бы сказал, что да. К сожалению, таких, как я, у нас никто не ценит. Даже новый министр. Я связывал с его приходом много надежд. Как и все мои коллеги. Выяснилось, зря. Знаете, с чего он начал, едва заступил на должность?

Женщина. Нет.

Чиновник. С ванной.

Женщина. И что в этом плохого? Может, человек любит помыться.

Чиновник. Вы не поняли. Он распорядился построить для него огромную ванную, прямо-таки фараонскую, зеркала, мрамор, отражённый свет... На месте четырёх кабинетов! Ясно? И все для того, чтобы, когда он принимает...

Женщина. Министр принимает в ванной?!

Чиновник. Ванная ему служит, чтобы выпендриваться перед женщинами, которых он принимает! А ещё он велел оборудовать себе шикарный кабинет на седьмом этаже. Тоже огромный, разделённый на две части шторой. За шторой – широченный трёхцветный диван. Когда в его кабинет входит женщина, в коридоре загорается красная лампочка, это значит, что господин министр не желает, чтобы его беспокоили. А когда подходящей женщины нет, он пользуется секретаршами. У него их уже три. Вы считаете справедливым, что граждане платят налоги и содержат министров, которые усаживаются в министерское кресло лишь для того, чтобы вывести свою подпись на письмах и иметь женщин на трёхцветном диване? При этом совершенно не интересуясь, работает его министерство или нет...

Женщина. Значит, вы согласны со мной, что ваше министерство не функционирует, как должно...

Чиновник. Ни наше, ни другие. А как оно может нормально функционировать при таком руководстве?

Женщина. Вы хотите сказать, что министерство предоставлено само себе?

Чиновник. Вот именно! И чиновники в этом не виноваты. Мы в руках людей, которые озабочены своей личной властью. Они не просто претендуют на власть, они желают её всем своим существом. И когда получают её, все силы тратят на одно: чтобы её не отдать. Никогда и никому. Как, например, наш...

Женщина. Не надо больше имён. Мы и так прекрасно понимаем друг друга.

Чиновник. И вы поняли, на кого я намекаю?

Женщина. Прекрасно поняла. Я довольна, что вы, наконец, начали говорить свободно, все, что думаете. Хотя сначала...

Чиновник. Сначала я вас совсем не знал... Я не знал, кто вы...

Женщина. А теперь, значит, знаете.

Чиновник. Я терпел тринадцать лет! Тринадцать лет – это очень много!

Женщина. Да, с терпением у вас полный порядок.

Чиновник. Но, клянусь вам, внутри я всегда надеялся, что справедливость восторжествует! Что-то обязательно случится!..

Женщина. Вы говорите это, чтобы сделать мне приятное?

Чиновник. Нет, что вы! Просто хочется говорить с вами искренне... Когда по вечерам перед тем, как уложить детей в кровати, моя жена заставляет их произнести молитву согласно...

Женщина (*перебивает*). Вы верующий?

Чиновник. А что, это плохо?

Женщина. Я полагала, вы свободомыслящий человек. А вы, оказывается, верите...

Чиновник. Верю, но по-своему.

Женщина. Но все-таки верите?

Чиновник. Я верю в существование высшего существа, которое...

Женщина. Я и говорю, что вы верующий. В церковь ходите?

Чиновник. Нет. Я как раз и хочу вам объяснить, что верую по-своему...

Женщина. И наверняка крестили детей?

Чиновник. На этом настояла жена. Вы же знаете женщин!

Женщина. Если бы вы были против, могли бы настоять на своём.

Чиновник. Что касается религии, я предпочитаю, чтобы решала она.

Женщина. И так, поскольку они крещёные, по вечерам они читают молитвы...

Чиновник. Да, согласно постулату Папы.

Женщина. А вы не задумывались над тем, как бы объяснить детям, что религия – это суеверие и мракобесие?

Чиновник. Нет. Я полагаю, дети должны получить основы религиозного знания. А уж когда они повзрослеют, сами решат, верить им или нет.

Женщина. Марксисты придерживаются другого мнения.

Чиновник. Марксисты? Причём тут марксисты?

Женщина. А вы что-то имеете против марксистов?

Чиновник. Нет, что вы! В конце концов, марксистские идеи во многом совпадают с христианскими. Тот же Христос провозглашал, что все люди равны...

Женщина. Вы правы, христианство и марксизм имеют немало общего. Непонятно только, с чего это марксисты терпеть не могут священников... Так что там за история с молитвой согласно постулату Папы?

Чиновник. Папский постулат звучит так: да будет нам ниспослано свыше изменение мира к лучшему.

Женщина. И вы думаете для того, чтобы изменить мир, достаточно полагаться на детские молитвы?

Чиновник. Знаете, когда на твоих плечах семья, ты готов полагаться на все, что угодно.

Женщина. Чтобы как-то изменить этот мир, нужно не болтать, а действовать.

Чиновник. Легко говорить, когда не отвечаешь ни за кого, кроме себя.

Женщина. То есть если бы вы оставались холостяком, вы были бы готовы вступить в революционное движение?

Чиновник. Нет!.. Вернее, я не знаю... Может быть... Это было бы вполне возможно... Больше того... конечно, я так бы и поступил, не имей я семьи...

Женщина. Короче говоря, вы одобряете то, что сейчас происходит и что наверняка изменит политический курс нашей страны?

Чиновник. Одобряю. Лишь бы все произошло демократическим путём.

Женщина. Демократическим или нет, лишь бы произошло.

Чиновник. Главное, чтобы спасти страну. И оздоровить её. Давно нужно было поставить заслон коррупции, которая выходит из берегов и топит уже все и вся. Остановить массовое падение нравов, эту холеру, охватившее общество!..

Женщина. К сожалению, против этой холеры не существует вакцины.

Чиновник. Единственная вакцина против – это честность.

Женщина. Но вашу честность не введешь шприцом в каждую ягодицу. К сожалению.

Чиновник. Люди воспитываются примером. А примеры безнравственности и коррупции идут с самого верха и проникают до самого низа. Повсюду вседозволенность, аморальность, хамство... никто не желает работать до пота на лбу, который облагораживает человека...

Женщина. Сейчас потеют только от жары.

Чиновник. Посмотрите, что творится на стройках, в доках, на фабриках! Мой кузен утверждает, что полный пофигизм в рабочей среде, в конце концов, приведет промышленность к краху. А он знает ситуацию в промышленности изнутри.

Женщина. Он что, рабочий?

Чиновник. Нет. Промышленник.

Женщина. Кузен-промышленник? Неплохо.

Чиновник. Но это так говорится. На самом деле он не кузен. Своего рода, кузен.

Женщина. Если кто-то кузен, он и есть кузен. В каком родстве вы с ним состоите?

Чиновник. Он женат на моей сестре.

Женщина. Значит он не своего рода кузен, а самый настоящий кузен.

Чиновник. Но он женат не на моей родной сестре, а на сводной. Да и как он может считаться моим кузеном, если они давно не живут вместе? Они как раз на днях собираются развестись... Я уж не говорю, что этот... своего рода кузен – полный идиот. Из бывших военных.

Женщина. Вы не любите военных?

Чиновник. Совсем наоборот!

Женщина. Может быть, вы не любите вооружённые силы? Вам не нравится армия?

Чиновник. Я же говорю, наоборот! Я люблю вооружённые силы. Я думаю, что для нашей страны стало бы бедствием отсутствие у неё армии.

Женщина. Какая-то неискренность в вашем голосе ощущается. Зря. Мне свойственно уважать чужие идеи. Если вы в чем-то не убеждены, так и скажите. Может быть, вы из тех, кто не доверяет нашей родине и не уважает её флаг?

Чиновник. Клянусь вам, я люблю родину! Я люблю её по-настоящему! Как мать. Да-да, как мать! И флаг для меня – все. Флаг – это портрет матери. Каждый раз, когда его проносят, я волнуюсь до слез. А когда слышу, что кто-то неуважительно о нем отзывается, у меня темнеет в глазах.

Женщина. В каком смысле? В прямом?

Чиновник. В фигуральном. Я просто выхожу из себя от ярости. Как-то однажды я проехал мимо одной фабрики. Перед воротами собралась толпа бастующих рабочих...

Женщина. Вы против забастовок?

Чиновник. Я? Нет, но...

Женщина. Есть такие, кто против забастовок, представляете?

Чиновник. Я нет. Забастовка – святое завоевание трудящихся.

Женщина. Стало быть, вы считаете правильными все эти массовые забастовки, которые парализуют жизнь страны?

Чиновник. Я думаю, что необходимо бастовать, когда забастовки – единственное, что остаётся. Но причина должна быть, действительно, существенной. К сожалению, сегодня, когда профсоюзы...

Женщина. Вы против профсоюзов?

Чиновник. Я? никоим образом!

Женщина. Профсоюзы защищают права трудящихся.

Чиновник. Ну да! Однако бывают случаи, когда профсоюзы инспирируют забастовки с целью...

Женщина. Минуточку. Вы не одобряете действий профсоюзов?

Чиновник. Нет, не так. Я их полностью одобряю. Я сказал только, что в некоторых случаях забастовки...

Женщина. В некоторых случаях забастовки могут принимать форму протеста против тех, кто неспособен руководить страной.

Чиновник. Я согласен. Но даже в этом случае забастовка – святое. Лишь бы их не устраивали...

Женщина. Даже если они, как говорит ваш кузен, ведут промышленность к краху?

Чиновник. Промышленность или промышленников?

Женщина. Промышленность. А она, согласитесь, становой хребет нашей страны.

Чиновник. Да, это верно. Беда, если его ломают.

Женщина. А как вы считаете, промышленность обеспечивает жизнь рабочих или рабочие обеспечивают жизнь промышленности?

Чиновник. Я думаю, в этом вопросе на первый план выходит гармония интересов. Но сегодняшнее руководство страны абсолютно не способно это обеспечить. Все партии стремятся к власти лишь затем, чтобы использовать её не для эффективного управления страной, а в личных целях.

Женщина. Все?

Чиновник. Что вы спросили?

Женщина. Все партии? Вы сказали: все партии стремятся...

Чиновник. Все. То есть все минус одна.

Женщина. И какая составляет исключение?

Чиновник. Та, которая сейчас восстала против законной власти. Ваша партия.

Женщина. Я не являюсь членом никакой партии.

Чиновник. Но практически вы ведёте себя так, как если бы им были.

Женщина. Но я вовсе не симпатизирую той партии, которая, по-вашему...

Чиновник. Но я имел в виду совсем не ту партию, какую, по-вашему, я имел в виду. Этого ещё нам не хватало! Мы ведь не сумасшедшие, правда? Я намекал совсем на другую партию.

Женщина. На какую другую?

Чиновник. Послушайте, давайте кончим играть в слова. Мы с вами прекрасно понимаем друг друга. И вы прекрасно понимаете, на чьей я стороне. И я прекрасно отдаю себе отчёт, что ситуация настолько патовая, что необходимо принять меры предосторожности, чего бы нам это ни стоило.

Женщина. Нам? И вы готовы?

Чиновник. Я готов на все. Даже если в случае поражения мы все чохом провалимся в бездну! Даже если это не понравится другим странам, которые сегодня смотрят на нас с особым беспокойством!..

Женщина. О каких странах вы говорите?

Чиновник. О тех, что имеют с нами общие границы. О тех, что расположены на нашем континенте...

Женщина. А о тех, что расположены на других континентах?

Чиновник. О них тоже. Видите, как много озабоченных обстановкой в нашей стране!

Женщина. И что, по-вашему, нужно для оздоровления обстановки?

Чиновник. Сильная рука!

Женщина. Диктатура?

Чиновник. М-м-м... Вероятно... Хотя лично я за демократию.

Женщина. Но сильная рука, к тому же, неконституционная, захватывает власть только с помощью диктатуры.

Чиновник. Лишь бы речь шла о демократической диктатуре.

Женщина. Диктатура не может прийти к власти демократическим путём. Только путём насильственных действий.

Чиновник. Ну, тогда, чтобы насилие было не слишком насильственным.

Женщина. Вы думаете, кто-то будет обращать внимание на такие мелочи?

Чиновник. Нет, я, конечно, понимаю...

Женщина. Насилие – всегда насилие.

Чиновник. Я это знаю. Если бы оно было не насильным, не было бы насилия. Но иногда оно необходимо...

Женщина. Необходимо, в каком плане?

Чиновник. Во всех планах...

Женщина. Не понимаю. Поясните.

Чиновник. Скажем, в высших интересах государства. Или когда речь идёт о триумфе справедливости и свободы.

Женщина. То есть в этих случаях вы за насилие?

Чиновник. А что? Я должен быть против?

Женщина. Да или нет – это ваш выбор. Вы свободны выразить своё мнение. Вы ведь уже сказали, что, когда насилие необходимо, вы за насилие. Как, по-вашему, сейчас тот самый момент, когда оно необходимо?

Чиновник. Да!

Женщина. Вы в этом уверены?

Чиновник. Конечно. Иначе я бы этого не сказал. Когда насилие необходимо, я, повторяю, я за насилие!

Женщина. И это говорит государственный служащий?! Чиновник пятого ранга! Обалдеть! Просто невероятно!

Чиновник. Простите, что вы хотите этим сказать?

Женщина. Кто бы мог вообразить, что с виду мирный и законопослушный человек, да ещё государственный служащий, окажется таким опасным мятежником?!..

Чиновник. Я?! Мятежник?!

Женщина. А что, вы будете отрицать, что вы тип с террористическими наклонностями?

Чиновник. Я?! Да что вы говорите?

Женщина. И вы ещё имеете наглость отрицать это? Хватит! Ни слова больше!

Чиновник. Но уверяю вас, что я не...

Женщина. Человек, которому государство оказало доверие, уже совсем не молодой, семьянин, глава потомства, открыто заявляет, что он поборник насилия!..

Чиновник. Я?! Да никогда в жизни! Я сказал только...

Женщина. ...что вы хотите революции... хотите развала страны... хотите крови!.. Не буду скрывать, я поражена! А представьте, как поразятся ваши начальники, узнав это!..

Чиновник. Мои начальники? Причём тут они?

Женщина. Помолчите! Только не повторяйте, что они аморальные коррупционеры, этим вы только усугубите своё положение. Вы и без того наговорили...

Чиновник. Я не сказал ничего, что могло бы...

Женщина. Ну разве не наглость! Он ещё отрицает, что вылил ведро помоев на своё руководство и своих коллег!

Чиновник. А хоть бы и вылил! Как вы сможете это доказать?

Женщина. Как? Очень просто. В моей сумке лежит диктофон. Все, что вы сказали, записано. Слово в слово... Ясно?.. Эй!.. Эй!.. Что с вами? Держите себя в руках... Падать в обморок нет никакого смысла... Ведите себя по-мужски! Имейте смелость отвечать за свои слова!

Чиновник – в обмороке.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Чиновник выходит из обморока.

Женщина. Вам кажется, это был подходящий момент для обморока? Ну же!.. Приходите в себя!

Чиновник. Я бы и рад, но, к сожалению, у меня не получается.

Женщина. Давайте-давайте... немного силы воли... Нельзя быть таким эмоциональным. А что с вами было бы, если б вас пришли арестовывать!

Чиновник. Арестовывать?! Меня?! За что? Я не сделал ничего противозаконного. Клянусь! Я невиновен!

Женщина. А вы не знаете, что это случается, прежде всего, с теми, кто невиновен? Когда человек не сделал ничего плохого, именно тогда он и боится больше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.